

Л А Й З А
Д Ж У Э Л Л

*Холодные
сердца*

РОМАНЫ О СИЛЬНЫХ ЧУВСТВАХ

Annotation

В семье Берд четверо детей, они отлично ладят между собой, разве что Риз, мрачный, замкнутый, выделяется на их фоне.

Мэг плохо понимает брата. Впрочем, и Рори, и Бет, и родители – все его сторонятся. Потому что у Риза есть тайна. Тайна, из-за которой соседи обходят его стороной. И лишь во время пасхальных каникул, когда с Ризом случается беда, окружающие впервые обращают на него внимание. Мэг поражена – оказывается, многие его любили.

Но любовь с трудом поддается разуму и никогда – классификации. Она бывает жертвенной, бескорыстной, а порой – разрушительной и опасной. Так что же разрушило жизнь Риза? Или... кто?

Лайза Джуэлл

Холодные сердца

С любовью посвящаю эту книгу Гаю и Селии Гордон

Lisa Jewell

The House We Grew Up

Copyright © Lisa Jewell, 2013.

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC.

© Новикова Е., перевод на русский язык, 2017

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Привет, Джим!

Ну, должна сказать, не будь мы знакомы, я бы ни за что не подумала, что тебя именуют таким простоватым именем – Джим! «Барбур»^[1] и аккуратный жилет на фото твоего профиля делают тебя больше похожим на Руперта или Генри, одним словом, на кого-то незаурядного, чье имя состоит из двух слогов, сам понимаешь! И если речь зашла о слогах, и поскольку ты спросил, отвечу. Нет, на самом деле мое имя не Rainbowbelle^[2]. **КОНЕЧНО ЖЕ, НЕТ!** Меня зовут Лорелея, и мое имя состоит из трех или четырех слогов, в зависимости от того, как его произнести. (Мои родители нарекли нас в честь греческих богинь. Мою сестру зовут Пандора. Еще была Афина, она родилась мертвой, но об этом ты уже знаешь.) Ну да ладно. Ло-ре-лея. Или Лор-лей. На самом деле я не привередливая.

Мне шестьдесят пять, и я живу в одной из самых красивых деревушек Котсуолда^[3] в большом старом «сумасшедшем» доме, наполненном старинными вещицами, которые я называю СОКРОВИЩАМИ, а мои дети – ДЕРЬМОМ. Пожалуй, можно считать, что у нас ВСЕ в порядке.

У меня четверо детей. Мэган уже сорок. Бетан – тридцать восемь, а близнецам Рори и Ризу по тридцать пять. Ах да, и преимущественно из-за необыкновенной плодовитости моей старшей дочери я уже не единожды бабушка. А у тебя есть дети? Ты ни разу не упоминал о них, поэтому мне кажется, что нет. Или я ошибаюсь? Как правило, первое, о чем рассказывают люди, это о своих детях, разве не так? К сожалению, мы довольно редко видимся, они все так заняты. Что ж, полагаю, ты вполне мог бы назвать меня островитянкой. Около четырех лет назад я потеряла своего супруга, и, как бы ты сказал, в какой-то степени у меня все пошло наперекосяк.

Итак, что я могу рассказать о себе? Я обожаю природу, деревню, люблю детей, люблю плавать. Я выгляжу на свой возраст. Но, несмотря на годы, мне удалось сохранить фигуру, и меня это очень радует. Вижу, что многие женщины, которых знаю много лет, после климакса превратились в мамонтов! И, как ты можешь судить по моей фотографии, у меня длинные волосы. Ничто не старит женщину быстрее, чем стрижка!

Как бы там ни было, но обо мне достаточно. Расскажи побольше о себе! Ты говоришь, что вдовец. Я очень огорчилась, узнав об этом. И в каких краях ты обитаешь, вроде на Севере? Судя по фото, у тебя есть собака. Замечательный ретривер. Как его зовут? Пока росли дети, у нас тоже была собака, но, как только они разъехались, я не вижу смысла держать животных.

Посмотрю, что смогу сделать со своими фотографиями. На самом деле я не очень лажу с ноутбуком. Но, возможно, получится отправить тебе что-нибудь еще. Я попробую.

И спасибо, Джим, что остаешься на связи. Интернет действительно удивительная штука, особенно для таких старпёров, как мы, не правда ли? Я бы на самом деле пропала без него. Хотела бы, чтобы ты снова ответил мне, но, пожалуйста, не чувствуй себя обязанным это делать, если сочтешь меня чересчур назойливой!

С наилучшими пожеланиями,

Твоя Лорелея Берд^[4]

Влажный жар повергал в шок после прохлады кондиционера, который в течение последних двух часов охлаждал салон автомобиля. Мэг захлопнула дверцу машины, засучила рукава хлопчатобумажной футболки, опустила очки на нос и посмотрела на дом.

– Господи Иисусе.

На тротуаре к ней присоединилась Молли и тоже во все глаза из-под солнцезащитных очков уставилась на дом.

– О боже.

Какое-то мгновение они стояли рядом. И были почти одного роста. Прошлым летом, к своей радости, Молли удалось догнать мать. Теперь рост обеих составлял около 177 см. Молли была длинной и худой, как манекенщица; в джинсовых шортиках, демонстрировавших загорелые ноги, белых шлепках. Свои пыльно-медовые волосы она стянула на макушке в замысловатый узел. Довершали образ легкая хлопчатобумажная рубашка, наброшенная поверх розовой майки, и множество браслетов и фенечек, украшавших тонкие запястья и лодыжки. В противоположность ей Мэг выглядела коренастой и походила на защитника; на ней были классические синие слаксы, футболка из хлопка с длинными рукавами в бретонскую полоску, на ногах – серебристые фитфлопы, украшенные пайетками. Единственная уступка, которую она позволила себе в эту выдающуюся не по сезону жару, – сделанный в последний момент педикюр. Мать и ее единственная дочь только что едва преодолели последнюю стадию кошмара, длившегося более трех лет и ставшего довольно распространенной бедой подросткового возраста. Теперь можно было сказать, что они почти стали друзьями. Почти. Кто-то однажды сказал Мэг, что дочь «вернется» к ней, когда той исполнится девятнадцать. Подождать еще «каких-то» четыре года. «Все еще хуже, чем я думала. То есть гораздо хуже». Мэг покачала головой и осторожно шагнула в сторону дома. Он стоял там, кирпичик к кирпичику, в точности такой, как в тот день, когда она появилась на свет сорок лет назад. Три низких окна, выходящих прямоком на улицу, выше еще четыре окна, две входные двери в разных концах дома, справа сбоку овальная табличка, сделанная давно умершим местным мастером, на которой выгравировано слово «Гнездо», и парочка влюбленных птичек с переплетенными клювами. Слева от дома – выкрашенные в зеленый цвет ворота, от которых к черному ходу вела гравийная дорожка. Объявления на окнах гласили, что дом находится под патронажем «Соседского дозора»^[5] («Что произошло с «Соседским дозором?» – лениво подумала Мэг), что его жильцы являлись приверженцами Королевского общества защиты птиц, и еще здесь не терпят агентов, занимающихся торговлей вразнос.

Все здесь осталось таким же, каким было на протяжении веков.

Кроме...

– Это худший дом из всех, что я видела, – заявила Молли. – Даже хуже, чем в телешоу.

– Но мы еще даже не были внутри, Молл, попридержи свои мысли, не стоит сразу их высказывать вслух.

– А мой нос тоже меня подводит, да?

– Пожалуй, ты права, – вздохнула Мэг.

Окна, которые на ее памяти никогда не отличались чистотой, теперь покрылись настолько густым слоем грязи, что совершенно не пропускали свет. Собственно говоря, они

были черными. Пастельно-желтый глостерский кирпич обесцветился и потрескался. Зеленые ворота держались на одном-единственном гвозде, а гравийная дорожка завалена какими-то случайными предметами: старыми детскими колясками, ржавым велосипедом, засохшей рождественской елкой в разбитом горшке, коробкой с разбухшими и влажными от сырости журналами, ставшими в два раза толще их первоначального размера. Единый стиль фасада свидетельствовал том, что дом не лишен своих отличительных особенностей как снаружи, так и внутри, но даже при таком поверхностном осмотре было ясно, что этот дом «болен». На протяжении десятилетий деревня сильно разрослась и заметно облагородилась. Все старые дома отмыли, и теперь их кирпичная кладка снова стала желтой и сверкающей, двери и оконные рамы полностью перекрасили, и вот между ними, как гнилой зуб, торчало «Гнездо».

– Боже, как неловко, – проговорила Молли, сдвигая на лоб солнцезащитные очки и морща свой крошечный носик. – Что о нас подумают?

Мэг приподняла брови.

– Гм, – протянула она, – я бы сказала, что если судить о репутации нашей семьи в здешних краях, вероятно, едва ли кто-либо в деревне ожидал тут нашего появления. Ну, идем же. – Мэг нервно улыбнулась дочери. – Пройдем внутрь, хорошо? И покончим с этим.

Молли мрачно улыбнулась матери и кивнула.

Мэган отодвинула плющ и засунула кончики пальцев в небольшую трещину в стене.

– Нашла еще одно! – крикнула она Бетан и близнецам.

– О, молодец, Мэгги! – прокричала в ответ ее мать с крыльца, где она стояла в фартуке с клубничным принтом и с довольной улыбкой наблюдала за происходящим. – Bravo!

Мэган вытащила небольшое яйцо в фольге и уложила его в свою корзинку.

– Оно розовое! – многозначительно заявила она младшей сестре.

– Ну и что, – бросила Бетан. – У меня уже есть три розовых.

Мэган посмотрела на небо; оно было безоблачным, густого синего цвета и жарким, как в июле. Мама сказала им, что они должны как можно быстрее найти яйца, иначе те расплавятся от жары. Девочка внимательно осматривала сады. Некоторые яйца она обнаружила в поленнице и осторожно очистила их от склизких мокриц. Но еще больше яиц оказалось в клумбах с нарциссами и гиацинтами, выстроившимися вдоль тропинок вокруг теплицы, а на одно большое золотистое яйцо она случайно наткнулась в ветках вишневого дерева за кухонной дверью. Девочка подсчитала яйца, их оказалось двенадцать. Бетан и близнецы все еще занимались поисками рядом с домом, но Мэган подозревала, что именно в верхнем саду находилась почти вся кладка яиц, поэтому она быстро взбежала по покрытым шиферной плиткой ступенькам, ведущим в нижний сад. Вдруг голоса ее сестер, брата и матери постепенно стали затихать и слились в приглушенный шепот. Здесь оказалось теплее, мягче и пасмурней. Трава тут была как будто полосатой, девочка решила, что именно здесь вчера косил отец, потому что повсюду лежали небольшие кучки жесткой скошенной травы, уже успевшей выгореть под палящим солнцем. Куст камелии, сбитый с толку неожиданно пришедшим летом, уже зацвел и разбросал свои мясистые цветки по лужайке, где они лежали, покоричневевшие, пресытившиеся жарой и почти уродливые. Мэган направилась к покрытым лишайником солнечным часам в середине газона. На нем оказалось еще три завернутых в фольгу яйца, девочка аккуратно очистила их и положила в корзинку, висевшую на руке.

Тут она услышала шаги Бетан; сестренка бежала вприпрыжку по ступенькам в туфельках для фламенко. Мэган обернулась и улыбнулась. Иногда, когда она смотрела на свою младшую сестренку, она чувствовала, как ее переполняет любовь. Бетан одновременно была ее лучшим другом и злейшим врагом. Мэг и Бет были очень похожи. Как говорила их мать, внешне они типичные Берды, как их отец, тетя Лорна и бабуля: щечки, как яблочки, высокие лбы, широкие улыбки. Единственное отличие между сестрами состояло в том, что волосы Мэган были каштановые и вьющиеся, как у матери, а у Бет – прямые и черные, как у отца. Близнецы Рори и Риз были похожи на мать, одним словом, типичные Дугласы: с низкими лбами, длинными носами, аккуратными пухлыми губками, узкими голубыми глазками, с любопытством выглядывавшими из-под завесы длинных светлых волос.

Люди всегда говорили: *«Ах, какие милые детишки. Наверно, вы так гордитесь ими, миссис Берд. Совершенные ангелочки».*

А мама часто отвечала: *«Видели бы вы их дома»*, потом закатывала глаза, одной рукой трепала волосы Рори, а другой обнимала Риза, и при этом ее глаза переполняла любовь.

– У тебя сколько? – крикнула Мэган сестре.

– Одиннадцать. А у тебя?

– Пятнадцать.

У подножия ступенек появилась их мать, таща за руки близнецов.

– Каждый из ребят нашел по девять, думаю, это почти все, – сказала мама. – Полагаю, остались желтые, – добавила она и многозначительно подмигнула.

Мальчики отдернули руки и побежали к горке с желтыми перилами в нижней части сада. Бетан бросилась к перевернутому ведру, которое на самом деле было оранжевым. Но Мэган точно знала, что мать имеет в виду: куст зверобоя, росший прямо перед ними. Девочка приблизилась к нему, ее глаза блуждали по облакам желтых цветов, над которыми жужжали жирные шмели, собравшиеся присесть отдохнуть на терракотовые горшки под кустом, переполненные яйцами и маленькими желтенькими цыплятками с глазками-бусинками. Девочка уже собралась было подхватить яйца и цыплят, когда ее плеча осторожно коснулись мягкие сухие руки матери и задержались на усыпанной веснушками коже Мэг.

– Поделись ими, – едва слышно прошептала она, – с малышами. – Сделай все по справедливости.

Мэг собралась было возразить, но потом глубоко вздохнула и кивнула.

– Здесь! – крикнула она братьям и сестре. – Смотрите! Тут их целая куча.

Все трое уже мчались к кусту зверобоя; мать разделила яйца на четыре равные части и протянула каждому ребенку.

– Уже начинают таять, – сказала она, слизывая шоколад с кончика большого пальца, – лучше отнести их в дом.

Прохлада дома действовала отрезвляюще после изнуряющей жары на улице. Она обволакивала кожу Мэг, как прохладная фланель. Папа сидел за кухонным столом и разливал по стаканам лимонад. На подоконнике дремала собака. Желтые кухонные стены были полностью завешаны детскими художествами. Мэган провела пальцем по краям рисунка, который сделала еще в четыре года. Ее всегда приводила в изумление мысль, что приклеенный скотчем к стене рисунок целых шесть лет провисел на одном и том же месте. Она почти забыла то время, когда ей было четыре. И конечно, совершенно не помнила, как сидела и рисовала этот портрет, который назвала «Мэган и мамуля», представлявший собой изображение двух людей с вытянутыми в струнку ногами, с безумными прическами, губами, напоминавшими две ниточки, и руками, которые по размеру были в два раза больше туловища и болтались в невесомости в царстве остроконечных голубых деревьев и зверей. Стена творчества стала «дежурной темой» для любого, кто гостил в их доме; на самом деле она занимала три стены, тянулась вдоль фасадов шкафов, дверных наличников, вокруг углов и продолжалась даже в кладовке. Папа пытался периодически снимать некоторые рисунки, чтобы, как он выражался, «обновить стену». Но мама лишь улыбалась озорной улыбкой маленькой девочки и говорила: *«Только через мой труп»*. Если папа заставал момент, когда кто-то из его чад создавал очередной шедевр, он вырывал его из детских рук тотчас, как только ему его демонстрировали, со словами: *«Рисунок настолько красив, что я непременно должен поместить его в свою специальную папку»*, и быстренько прятал его (иногда даже под одежду) прежде, чем мама увидит его и водрузит на стену.

– А теперь, – сказала она, стягивая спутанные волосы в конский хвост и снимая передник, – вы можете съесть все яйца, которые вам понравились, но при условии, что пообещаете, что оставите в животиках место для обеда. И помните: фольгу уберите в коробку для творчества!

«Коробка для творчества» была еще одним источником раздражения для папы. Когда-то

это был небольшой пластиковый ящик для инструментов, где хранились пайетки, синельная проволока и листы сусального золота. Через какое-то время этот ящик уже не мог вместить все добро и со временем превратился в семейство гигантских контейнеров, которые «поселились» в большом шкафу в зале. Теперь «коробка для творчества» была заполнена невообразимыми клубками старых тесемок, обрывками пряжи, фантиками от сладостей, втулками от туалетной бумаги, старым бельем, нарезанным на полоски, упаковками от чипсов и использованной оберточной бумагой. Мэган теперь не занималась творчеством – ведь ей уже было почти одиннадцать, – а Бетан никогда особо не отличалась любовью к рукоделию, как сестра в ее годы; мальчишки же, в свою очередь, конечно, предпочитали бродить по саду или гонять в футбол около дома, а не сидеть с набором для детского творчества и горсткой палочек от мороженого. На самом деле никто больше не пользовался коробкой для творчества, но тем не менее это не мешало Лорелее постоянно набивать ее всяким старым хламом.

Сейчас она нетерпеливо выхватила у детей обертки от яиц, как будто они собирались их выбросить, и начала разглаживать их кончиками пальцев, при этом ее лицо сияло от удовольствия.

– Такие красивые, – приговаривала она, складывая их вместе, – как маленькие кусочки радуги. И конечно, они всегда будут напоминать мне об этом дне. Идеальном дне с моими прекрасными детьми, когда солнце светило так ярко и вокруг царил гармония.

Она поочередно посмотрела на каждого ребенка и улыбнулась своей неповторимой улыбкой. Лорелея провела рукой по волосам Риза и убрала их со лба.

– Мои прекрасные дети, – снова повторила она; ее слова были обращены ко всем ее детям, но любящий взгляд дольше всех задержался на последнем, самом младшем ребенке.

Риз при рождении весил меньше всех младенцев Лорелеи. Мэган и Бетан родились крупными – больше четырех килограммов. Из близнецов Рори появился на свет первым и весил почти три килограмма. А затем, как часто рассказывала мать, выскочил бедняжка Риз, который больше походил на общипанного перепела и весил меньше двух килограммов. Синий и сморщенный, он едва мог дышать самостоятельно. Медсестры положили его под лампы, чтобы «слегка подрумянить», любила повторять Лорелея, и заявили, что домой его можно будет выписать только спустя долгих три дня.

Лорелея по-прежнему беспокоилась о нем больше, чем о других детях. В свои шесть Риз был меньше ростом, чем Рори, и гораздо мельче, чем большинство детишек в его классе. С бледным лицом, склонностью к простудам и частыми проблемами с животом. На людях он всегда намертво вцеплялся в мать, вопил, как младенец, если у него что-то болело, и еще, в отличие от Рори, ему не нравилось играть с другими детьми. Он выглядел счастливым, только когда находился дома и по одну руку от него сидел брат, а по другую – мама. Мэган не знала, что с ним делать. Порой ей хотелось, чтобы он никогда не появлялся на свет. И иногда она действительно думала, что им всем гораздо лучше жилось бы без него. Он явно был не от мира сего. Все Берды были интересными, общительными, яркими и обожали подшучивать. Риз просто деморализовал их и тянул ко дну это оптимистичное семейство.

Мэган неосознанно сжала в кулаке золотистую фольгу, которую только что сняла с большого яйца, обнаруженного ею на вишневом дереве, и слегка подпрыгнула, когда мать хлопнула ее по руке.

– Фольга! – воскликнула Лорелея. – Фольга!

Девочка тут же разжала кулак, и фольга упала, а мать с улыбкой подняла помятую

бумажку.

– Спасибо, дорогая, – ласково произнесла она. Ее взгляд снова упал на фольгу, и она промолвила: – Ты только посмотри, она такая красивая, блестящая и такая... радостная.

Пасхальные праздники тянулись еще неделю. Аномальная жара продолжалась, и дети Бердов забегали в дом, только чтобы попить лимонад, схватить ломтики хлеба с маслом или же если отчаянно хотели в туалет.

К ним периодически заходили друзья; в один из дней они ездили на пляж в Уэстон-сюпер-Мэр, а в последние праздничные выходные к ним в гости приехала сестра Лорелеи, Пандора, с двумя своими сыновьями-подростками. Папа наполнил детский бассейн, а взрослые пили пиммс^[6], и в их стаканах весело подпрыгивали кубики льда в форме фруктов. Кузен Мэган Том исполнял на облепленной наклейками гитаре песни Дэвида Боуи. Рори проткнул палкой бассейн, и вода из него хлынула главным образом на лужайку, изрядно затопив ее. На что папа сказал:

– Ну что ж, так тому и быть.

Лорелея сгрела в охапку то, что осталось от проколотого бассейна, и, словно раненого ребенка, понесла его в гараж, бормоча:

– Папа все починит.

А отец ответил:

– Мы оба знаем, что папа не сможет его починить. Я понятия не имею, как отремонтировать детские бассейны, и я до сих пор не починил тот, который они продырявили в прошлом году.

Лорелея улыбнулась и через сад послала ему воздушный поцелуй.

Папа вздохнул и произнес:

– Отлично. Теперь в нашем гараже обосновались три проколотых лягушатника. Это не дом, а какая-то свалка. – И закатил глаза.

Пандора улыбнулась и добавила:

– Она совсем как наш папа. Никогда ничего не выбрасывает.

Бен, второй кузен Мэган, с улыбкой попросил мать:

– Расскажи еще раз, что собирала Лорелея, когда была ребенком.

Пандора нахмурилась, а потом улыбнулась:

– Осенние листочки. Кольца для открывания банок. Бирки от новой одежды. Корешки от билетов в кино. Серебристую фольгу из пачек маминых сигарет.

– И волосы! – радостно воскликнул Бен. – Не забывай про волосы!

– Да, – согласилась Пандора. – В нашей семье время от времени кто-то стригся, и Лорелея просила не выбрасывать волосы. У нее под кроватью хранилась сумка, набитая волосами. Надо сказать, это было ужасно.

Взрослые и подростки смеялись, а Мэган с любопытством смотрела на них. Они говорили об этом и раньше, точнее, всякий раз, когда собирались вместе, но каждый раз, когда девочка слышала, как и что они говорили о ее маме, это звучало по-разному. Чем старше она становилась, тем находила эти байки менее забавными, даже, скорее, странными. Потому что сейчас ей было столько же лет, сколько было и ее маме, когда она собирала все эти странные детские коллекции. Мэган совершенно не могла себе представить, что сама может собирать старые волосы, для нее это было сродни тому, чтобы просить разрешения пойти в школу в субботу.

– Это вы надо мной смеетесь? – добродушно поинтересовалась ее мать, вернувшись из

гаража.

– Нет-нет! Что ты! Какой смех! – воскликнул Бен. – Совсем нет. Мы просто по-доброму вспоминали тебя.

– Гм, – буркнула Лорелея, вытирая влажные руки о свою длинную джинсовую юбку. – Меня терзают смутные сомнения, что это далеко от истины. – Потом она подняла руки вверх, демонстрируя небритые подмышки с пышными каштановыми кудрями, и заявила: – Посмотрите на небо. Просто взгляните на него. На его синеву. У меня возникает желание зачерпнуть оттуда горсть и положить себе в карман.

В этот момент Мэган заметила, какое выражение промелькнуло на лице отца. Смесь любви и беспокойства. Словно он жаждал сказать что-то такое, что страшно произнести.

Мэган продолжила наблюдать; взгляд отца быстро смягчился, он улыбнулся и сказал:

– Представься моей жене такая возможность, ее карманы были бы наполнены кусочками всего, что существует в этом мире.

– О да, – просияла Лорелея. – Именно так и было бы. Они были бы забиты целиком и полностью.

Пандора принесла пирожные в форме бабочек, украшенные взбитыми сливками и крошечными цыплятками, их она приготовила сама.

Лорелея подала их в саду вместе с чаем, дымящимся в котелке, булочками и сливками. Кроме этого, на столе было много пиммса и земляника в пластиковой миске. Близнецы босиком носились к шлангу и обратно, чтобы наполнять водой свои водяные пистолеты, из которых поливали друг друга, несмотря на бесчисленные нагоняи. Том и Бен ретировались в глубь сада покурить в гамаке и поделиться мужскими шутками. Мэган и Бетан сидели рядышком, прислушиваясь к разговорам взрослых.

Когда сама Мэган выросла и во время послеобеденных посиделок ее спрашивали о детстве, ей всегда хотелось сказать: «Мое детство было совершенным».

И оно действительно было таким. Совершенным.

Они жили в доме цвета мёда, уютно примостившемся напротив пешеходной дорожки, которую обычно изображали на художественных открытках с видами Котсуолда; далее вдоль нее на три четверти акра тянулись не слишком ухоженные сады. Их мать звали Лорелейей. Она была красивой женщиной-хиппи с длинными спутанными волосами и искрящимися зелеными глазами, обращавшаяся со своими детьми, как с драгоценными камнями. Их отцом был милый долговязый человек по имени Колин, который всю жизнь выглядел как подросток, с небрежно уложенными волосами и очками в круглой оправе. Все они посещали местную школу, по вечерам собирались вместе за ужином, чтобы отведать блюда, приготовленные матерью. Их семья была теплой и дружной; им хватало денег, чтобы устраивать для близких вечеринки, периодически покупать детские бассейны; но все же средств было недостаточно, чтобы путешествовать за границу, да это и не имело значения, потому что они жили в раю. И даже будучи ребенком, Мэган понимала, что это рай. Потому что, оглядываясь на прошлое, ее мать всегда говорила об этом. Лорелея всегда жила одним днем. И старалась оживить каждый момент. Никто в семье Мэган не позволял себе забывать, как им повезло. Даже на секунду.

Именно в тот момент над солнцем проплыло облако, Лорелея рассмеялась и, указав на него, воскликнула:

– Посмотрите! Вы только посмотрите на это облако! Разве оно не замечательное? Оно в

Точности похоже на слона!

Небо было темным от туч, и где-то вдалеке уже слышались раскаты грома. Брусчатка улиц Йорка все еще была серой от дождя, и крупные капли воды красовались на листьях и цветах. Из-за облаков виднелась полоска синевы, а на горизонте уже едва проглядывала радуга. Лорелея, босая, закутанная в длинный разноцветный шерстяной кардиган, стояла возле двери на кухню. Ее длинные, до пояса, волосы переплетались, удерживаемые тремя большими черепаховыми гребнями.

– Смотри, Мэгги, – сказала она, выглянув из-за двери. – Смотри, радуга! Быстрее!

Мэг оторвала взгляд от лежавшего на столе текста и бодро улыбнулась.

– Сейчас, минутку, – откликнулась она.

– Нет! – крикнула мать. – Через минуту она исчезнет. Подойди сейчас!

Мэг тяжело вздохнула и положила ручку на блокнот.

– Хорошо.

Она вышла на улицу к матери, чувствуя сырость даже сквозь меховые тапочки.

– Бет! – крикнула мать в направлении кухни. – Мальчики! Давайте скорее!

– Они смотрят телик, – сказала Мэг. – Вряд ли они слышат тебя.

– Позовешь их, милая?

– Они не придут.

– Ну конечно придут. Быстрее, дорогая, позови их.

Мэг знала, что спорить бесполезно. Она снова вздохнула и направилась в гостиную. Двое ее братьев и сестра сидели на диване вместе с дремлющей между ними собакой. Они смотрели «Субботний супермаркет»^[7] и жевали морковные палочки.

– Мама сказала, что там радуга, – покорно произнесла она. – Она хочет, чтобы вы взглянули.

Никто не обратил на нее внимания, и ей пришлось вернуться к матери с плохой новостью. Лорелея вздохнула.

– Какая жалость, – прошептала она. – Смотри, – она указала пальцем на небо, – теперь она исчезла. Точно. Навсегда...

К ее носу скатилась слезинка, которую она вытерла кулаком, как маленькие дети.

– Такая жалость, – прошептала она. – Пропустить радугу... Ну, по крайней мере, ты ее видела и можешь рассказать остальным, какая она была, – сказала Лорелея с натянутой улыбкой.

Мэг тоже пришлось выдавить из себя улыбку. Да уж, подумала она, так и вижу, как рассказываю им о великолепной игре желтого с красным и зеленого с синим и потрясающих перламутровых оттенках фиолетового, или рассуждаю о чуде естественной природной призмы в виде радуги.

– Конечно, мам, – ответила она, – обязательно расскажу.

На следующий день все еще лил дождь, но Лорелея все равно настояла на том, чтобы устроить охоту за пасхальными яйцами.

– А может, сделаем это дома? – осторожно предложил Колин.

– Ну уж нет! – отрезала Лорелея. – Проводить охоту за яйцами в пасхальное воскресенье нужно только в саду, и неважно, светит ли солнце или идет дождь. Разве я не права, детки?

Мэг посмотрела на сад сквозь струйки дождя, бежавшие по стеклу, и в первую очередь

подумала о своих волосах, а именно об аккуратно уложенной с помощью лака челке. Потом она подумала о грязной лужайке, холодной мокрой траве, о джинсах-дудочках, в которые она с трудом влезла этим утром, о свидании на следующей неделе, на которое она хотела надеть эти самые джинсы, и о прыщике, который понемногу вылезал у нее на подбородке.

Близнецы надевали резиновые сапоги, пока Лорелея бегала в саду под дождем, раскладывая пасхальные яйца. Мэг наблюдала за ней через окно. Мать была похожа на привидение, худая и высокая, в халате кремового цвета, светлых джинсах, зеленых резиновых сапогах и широкополой соломенной шляпе. Кончики ее волос на спине уже намокли, небольшая грудь проглядывала сквозь вымокшую футболку. Ее лицо сияло радостью, пока она бегала от места к месту, вынимая яйца из корзинки.

Мальчики стояли на пороге в предвкушении приключения. Им обоим только исполнилось одиннадцать, и они все еще восхищались матерью, ее энтузиазмом и иногда детским поведением. Пока еще они были очень похожи на нее.

– На старт, внимание, марш! – скомандовала Лорелея секундой позже, и мальчишки ринулись на лужайку, а следом за ними, чуть отставая, Бет, в розовом дождевике и резиновых галошах.

– Мэгги? – удивленно посмотрела на нее мать. – Ты не пойдешь?

– Малышам больше достанется, – ответила Мэг, надеясь, что сестринская забота успокоит Лорелею.

– Давай, там их очень много, вам всем хватит!

– Не хочу мочить волосы, – пожала плечами Мэг.

– О боже, это разве причина. Вот, надень-ка дождевик...

Она сняла с сушилки чистый пластиковый дождевик и протянула Мэг.

– Я это не надену! – возмутилась Мэг, с ужасом глядя на дождевик.

– Почему это?

– Я буду выглядеть в нем как старуха.

– Да что ты! Я же его ношу, и ничего!

– Вот именно.

Лорелея закинула голову назад и рассмеялась.

– Ох, милая, – сказала она, – когда-нибудь и тебе исполнится сорок два, и, поверь мне, тебе будет казаться, что тебе все еще восемнадцать и ни днем больше. А теперь, надень дождевик и иди повеселись вместе с малышами. Только представь, – продолжала она, на мгновение став серьезной, – только представь, если с одним из нас что-то случится, охоты за пасхальными яйцами больше не будет, представь, если что-то перевернет нашу тихую счастливую жизнь – ты ведь будешь жалеть, что сегодня не охотилась за яйцами вместе со всеми...

Мэган заглянула в глаза матери, в эти иссиня-зеленые хранилища миллионов радостных эмоций. Сейчас они смотрели строго.

Она заставила себя улыбнуться и прознесла «о'кей», растянув второй слог, чтобы обозначить свое неудовольствие. Тем утром она нашла одиннадцать яиц и раздала их братьям и сестре.

Пандора со своим мужем Лоуренсом приехали в полдень, без своих взрослых сыновей, но с новым щеночком. Немного позже явилась Лорна, сестра Колина, с целой сумкой пасхальных яиц. Затем подтянулись соседи, Боб и Дженни со своими тремя детишками. Лорелея пожарила баранью ногу и подала ее с морковью в медовой глазури (они были

изумительного оранжевого цвета) и целой горой печеной картошки.

Детей посадили за пластиковый столик для пикника в углу кухни, а взрослые устроились за старым сосновым столом посередине. Мэган разрывалась между теми и другими, слишком большая для ребенка, слишком маленькая для взрослой. Никто из присутствовавших не оценил ее красиво подкрашенные ресницы или ее новый кардиган с кожаными пуговицами, или хотя бы то, что она наконец похудела до 50 килограммов. Она не любила морковь, но ей очень хотелось казаться вегетарианкой, поэтому она вежливо взяла печеную картофелину, которую ей предложила мать («Угощайся, дорогая!»), и принялась смотреть на дождь через окно, думая о том, как бы поскорее улизнуть из-за стола.

Мэган представляла себе, как она разбивает невидимый барьер вокруг себя, звучит фантастический взрыв, и миллионы осколков разлетаются вокруг. Она представляла свежий воздух, яркий свет и бескрайний простор. Представляла себе комнату с голыми стенами, квадратную кровать с гладкой простыней, огромное окно, занавешенное парой белых занавесок, как в комнате Деми Мур в «Огнях святого Эльма». Представляла чистую кухню, сверкающие кастрюли, белую ванну и тихого мужчину с чистыми ногтями и серебряной гитарой. Затем она оглядела свою кухню, пестревшую следами пятнадцатилетнего пребывания детей, и ее мысли вновь вернулись к побегу. Она встала из-за детского стола и уселась на колени к отцу, горюя о радостных деньках своего недавнего детства. Отец обнял ее за талию, и Мэган через стол улыбнулась матери.

– Знаешь, Лорри, – говорила соседка Дженни, – так приятно сидеть здесь, в твоей уютной кухне, в этот промозглый день.

Лорелея улыбнулась и приобняла подругу.

– Нет, правда. Так тепло, так по-домашнему. Если бы я когда-нибудь застряла на заснеженной горной вершине, замерзнув до полусмерти, вот о чем бы я думала. О прекрасной кухне Лорри.

– Спасибо тебе, – поблагодарила ее Лорелея, чмокнув в щеку. – А вот Мэгги считает, что у нас не дом, а берлога, не так ли, милая?

– Так и есть, – ответила Мэг.

Лорелея засмеялась.

– Каждому свое, правда ведь, дорогуша?

Мэг подняла брови и закатила глаза.

– Я просто никак не могу понять, зачем тебе столько барахла? То есть я могу понять это, – она указала на детские рисунки, – но зачем тебе девятнадцать полотенец для чайной посуды?

– Их вовсе не девятнадцать, – фыркнула в ответ Лорелея.

– Нет, их именно девятнадцать, мам. На днях я специально посчитала. Вот ради интереса, смотри.

Она встала и открыла кухонную сушилку. Затем она вытащила полотенца и показала их всем в доказательство своей правоты.

– У нас есть дырявые, есть кое-где прожжённые, испачканные краской и совсем ветхие. Но глянь-ка! У нас есть и новенькие!

Пандора рассмеялась.

– Лорри, я купила тебе эти полотенца, потому как меня слегка смутило состояние твоих старых во время моего последнего визита.

– Да, к тому же, – распаяясь, продолжала Мэг, – что мы делаем со старыми

полотенцами? Выбрасываем? Ничего подобного! Мы стираем их, сушим, выглаживаем и возвращаем в эту сушилку, в которой их теперь девятнадцать штук!

– Что же, дорогуша, – сухо отвечала ее мать, – до твоих экзаменов осталось меньше трех месяцев, мне казалось, что у тебя есть дела поважнее, чем считать чайные полотенца.

– Пожалуйста, позволь мне выбросить хоть одно, мам. Умоляю тебя. Может, вот это?

Она взяла в руки выцветший кусок ткани со свисавшими отовсюду нитками.

– Нет! – воскликнула Лорелея. – Не надо! Это я пушу на тряпки.

– Мама, – со злобой в голосе произнесла Мэган, – у нас есть черная сумка, которую ты уже давно хотела пустить на тряпки, но она так и висит на стене. Нам не нужно еще тряпок.

– Положи обратно, – сказала ей мать, и на мгновение в ее лучистых глазах блеснул гнев. – Пожалуйста, положи, я как-нибудь там приберусь. Пока вы будете в школе.

– Но этого не произойдет... Ты это знаешь, и я это знаю. Если я вернусь сюда через десять лет, здесь уже будет тридцать чайных полотенец. Включая это.

Она швырнула полотенце на колени к Лорелее.

– Ну хватит, Мэган, – нервно заявила Дженни. – Прекрати приставать к мамочке.

Мэг слегка застонала. Она огляделась и поняла, что все замолчали и неодобрительно смотрят на нее. Бет с укором воззрилась на нее из-за детского стола, а отец буравил взглядом свои ботинки. Затем Мэг снова посмотрела на мать, нервно улыбающуюся и слегка пощипывавшую свои локти.

– Это же всего лишь чайные полотенца, – сказал Риз.

– Да, – подхватила Лорелея. – Так и есть Риз, всего лишь чайные полотенца. Так, кому еще моркови? Осталось не так уж много!

Мэган ушла в свою комнату и слушала хит-парад на Радио-1, успокаивая себя мягкой и чистой мелодией *Simple Minds*.

И снова здравствуй, Джим!

Я рада, что не напугала тебя, спасибо, что ответил. Я в восторге от того, что узнала о тебе больше, и, конечно, теперь я вижу, что ты можешь начать свою жизнь как Джеймс. Ты больше похож на Джеймса, чем на Джима, но я согласна, что Джим гораздо более «дружелюбное» имя, особенно там, в Гейтсхеде^[8]. Тебе не хочется сильно выделяться, полагаю! А у тебя есть милый акцент? У меня его почти нет. Мне кажется, ты мог бы назвать меня «роскошной»! Я выросла недалеко от Оксфорда, ходила в местную школу для девочек, мои родители были писателями. Папа писал о медицине, а мама – о садоводстве. Все у нас было унылым, либеральным, как у людей среднего достатка, никто никогда не смотрелся в зеркало, никогда не пылесосил. Но в самом сердце всего этого таилась глубокая-глубокая печаль. Возможно, из-за малышки Афины. И из-за всего, что случилось. На самом деле мне не хочется об этом говорить. Конечно, даже несмотря на это, мое детство должно было быть счастливым, но в действительности таковым оно не было. Кроме того, мои родители умерли молодыми, почти друг за другом. Мне было двадцать, когда умер отец, и двадцать три, когда умерла мама. Всякое у нас в семье случалось, но мы редко говорили об этом. Казалось бы, чепуха, но мне бы хотелось, чтобы мы это обсуждали. Но ты ведь помнишь тот возраст, когда думаешь, будто у тебя впереди еще уйма времени, правда? Я бы сказала, что была довольно странным ребенком, немного похожим на тебя, как ты об этом писал. Я была очень замкнутой и жила довольно яркой воображаемой жизнью. Я как одержимая коллекционировала вещи и в ранней юности мочилась в постель. В некотором отношении я была почти дикой. Ну, такой, диковатой и к тому же еще мучительно застенчивой. Со мной постоянно возились терапевты, но ни один из них не имел понятия, что же происходит. А потом в восемнадцать лет я ушла из дома, поступила в университет и полностью изменилась, превратилась совсем в другого человека. Как будто моего детства никогда не было, словно я «сбросила кожу». Вот так вот, и все это обо мне. Что ж, таков ранний этап моей жизни. Полагаю, в некотором смысле благодаря такому странному и неуютному детству все мое существо переполняла решимость сделать детство моих детей самым лучшим, насколько это вообще было возможным.

Так или иначе, время покажет, но они говорят, что мне это удалось.

Ладно, расскажи побольше о своем сыне. Ты живешь с ним? Сколько ему лет? Как его зовут? Я очень рада, что у тебя есть ребенок. Значит, у нас будет больше общих тем для разговоров.

Ох, БУБУХБУБУХБУБУХ! У нас в деревне уже начался салют. Надеюсь, ты сидишь, завернувшись в теплый и уютный плед, и смотришь это чудесное представление. А я буду довольствоваться тем, что слушаю его отсюда, из моего кресла. На самом деле не могу заставить себя выйти на улицу и стоять на холоде рядом с толпой незнакомых людей!

Всего самого наилучшего тебе, береги себя,

Лорелея

У Бетан выросла грудь. Огромная. Совершенно неожиданно и как будто из ниоткуда. Совсем недавно она была костлявой мелочью в подростковом трикотажном бюстгальтере, но уже в следующее мгновение они с мамой отправились по магазинам и искали размер С. Мэган одновременно это тревожило и наполняло завистью (ведь это ее младшая сестренка!), но больше ее все же приводил в восторг тот факт, что Бетан единственная в семье являлась обладательницей внушительной груди.

– Дайте и мне посмотреть, – надоедала она, пока Лорелея и Бет сустились дома сухим апрельским утром накануне пасхальных праздников.

Бет выглядела смущенной, когда Мэг выхватила у нее сумку.

– Ооо, – проговорила она, перебирая кремовое кружево и не очень вместительные чашечки бюстгальтера с косточками. – Красивый, – проговорила она, пытаясь скрыть зависть. – А еще что-нибудь купили?

– Нет, – ответила Бет, выхватив снова бюстгальтер и заталкивая его в пакет, пока кто-нибудь из младших братьев не увидел его.

– Все же мы сделали это! – воскликнула Лорелея, ее высокие скулы при этом порозовели, а зеленые глаза засверкали как-то по-особенному и казались необыкновенно глубокими. – Взгляни! В городе открылся новый магазин. Как он называется, Бет?

Бет закатила глаза и сказала:

– «Паундстретчер»^[9].

– Точно! «Паундстретчер»! Там все по фунту. Представляешь! Смотри!

Она вытряхнула прямо на стол содержимое битком набитой сумки, и ее голодные глаза блуждали по добыче, а радость была почти осязаемой.

– Взгляни! – не унималась она. – Вешалки, десять за один фунт. Разве они не прелесть? Мне так нравится цвет, особенно этот голубой. И набор губок для мытья посуды: двадцать за один фунт...

Мэг тоже посмотрела на предметы на столе и спросила:

– А зачем вы купили три упаковки?

На долю секунды улыбка матери погасла. Потом она засмеялась и сказала:

– Оставим про запас.

– О да, – проговорила Мэг, – только представь, какими мы станем самодовольными, когда будем жить в постапокалиптической пустыне и окажемся единственной семьей в деревне, у которой есть упаковки мочалок. – Мэг заметила, как лицо Бет омрачилось, а затем она слегка, едва уловимо, покачала головой. Мэг громко цыкнула и продолжила: – Бет, у нас есть целых шестьдесят мочалок. Шестьдесят.

Бет виновато улыбнулась, тут же стояла Лорелея, ее плечи слегка поникли, а глаза стали грустными.

– Мэгги, почему ты всегда все портишь? Почему? – Глаза матери наполнились слезами, и она поспешно убрала свои соколовища в сумку.

– Что? – огрызнулась Мэг, глядя в лицо Бет, которая осуждающе смотрела на нее.

– Мэг, почему ты постоянно нападаешь на маму?

– Неужели ты не видишь, – прошипела она, – это все из-за вас, все в этом гребаном семействе виноваты в том, что она такая, какая есть. Вы ей потворствуете!

– Но какое это имеет значение? – спросила Бет. – Кому какое дело, что у нас слишком много мочалок? Какая разница, если эти забавные вещицы делают ее счастливой? Почему это тебя так сильно беспокоит?

– Потому, – начала Мэган, а ее ярость постепенно стала преобразовываться в более контролируемую и приобретающую осязаемые черты теорию, – потому что я думаю, что она больна.

Бет рассмеялась, но потом резко остановилась:

– Больна?

– Да, – сказала Мэг. – Психически. Больна на голову.

– О, не смейся!

– И не собиралась. Я серьезно. Все эти коллекции, навязчивые идеи с цветами, кухонными полотенцами и... радугами...

Бет пожала плечами.

– И думаю, что это началось еще в детстве. Ты же знаешь, она собирала волосы. Все делают вид, что это нормально. Но ведь это не так. Это безумие.

– О чем это вы шушукаетесь? – спросил Рори, застав сестер в прихожей; его длинные светлые волосы нависали прямо на глаза, а тощие ноги, как у отца, скрывали мешковатые джинсы. Несомненно, он был самым красивым мальчиком в классе. Но его пока вряд ли интересовало, обращают ли на него внимание одноклассницы. Ему только что исполнилось двенадцать.

– Ни о чем, – прошипела Мэг.

– Вы говорите о мочалках, ведь так?

Мэг промолчала. Вместо нее ответила Бет:

– Не начинай.

– А я ничего и не начинаю, – небрежно бросил он. – Просто мне кажется, здорово, когда есть запас. Мочалок для посуды никогда много не бывает.

– А где Риз? – спросила Бет, осторожно меняя тему разговора.

– На улице, – ответил Рори. – Пялится на что-то.

Все трое рассмеялись, поскольку ответ был предсказуем. Мэган посматривала то на Бет, то на Рори, ведь, невзирая на все их разногласия, брат и сестра все же были ее единомышленниками. Потом вдруг ее мысли перенеслись к Ризу, крошечному, непостижимому, непонятному Ризу – он в одиночестве лежал в саду, уставившись в пустоту синевы. На мгновение ей захотелось выйти в сад, разыскать его и спросить, о чем он думает. Но тут в прихожей зазвонил телефон; это был Эндрю Смарт, который приглашал ее в субботу на вечерний концерт, и едва он позвонил, как все остальные мысли улетучились из сознания Мэган.

Пасхальное воскресенье выдалось теплым и солнечным. Мэг никак не могла открыть глаза из-за ослепительного утреннего солнца. Радиобудильник только что сообщил ей, что сейчас 8.29. Она перестала бороться с собой и снова сомкнула веки. Пока она ждала, что к ней снова вернется сон, в ее мыслях вертелись воспоминания о приятных событиях вчерашнего вечера: визг шин на асфальте, Эндрю Смарт и его друг Ник подъезжают к ее дому, чтобы забрать ее на концерт, металлический привкус водки из фляжки, которую они по очереди передавали друг другу, солнце, заходящее за силуэты высоких деревьев и окрасившее окрестности в размытые оттенки медного цвета. Она вспомнила пальцы Эндрю, рассеянно щекочущие ее шею, замечательное взрослое ощущение того, что в этом нет ничего страшного

и все так и должно быть, предчувствие скорого побега из дома и из деревни, жужжание голосов в очереди, дразняще окутывающие место проведения концерта, запах холодного пива, прикосновение чужих липких футболок к ее голым рукам, рука Эндрю на ее плече, музыка, рокот голосов и постепенное нарастание и ослабление звука на танцполе, затем прикосновение прохладного воздуха к ее коже, когда они мчались домой вниз по извилистым дорогам, остроконечные тени деревьев, отбрасываемые на дорогу светом фар, потом быстрый поцелуй в губы перед оградой ее дома... Вот и все... Это не было свиданием в привычном понимании этого слова. Ник сидел на заднем сиденье и с нежностью смотрел на них, а потом сказал: «Ох, голубки». Тогда Эндрю бросил в него скомканной бумажкой, а Мэг в это время выскользнула из машины и пробралась в темный спящий дом, легкая, как воздух, улыбающаяся и пахнувшая чужим сигаретным дымом.

Она от неожиданности подскочила, когда увидела в кухне Риза.

– Риз! Черт, я чуть не описалась от страха. Что ты делаешь тут так поздно?

Он сидел в пижаме за кухонным столом, его гладкие светлые волосы аккуратно обрамляли лицо. Руки брата лежали на столе, купаясь в голубоватом свете луны, просачивающемся через окно. Он пожал плечами.

– Мне не спится, – сказал он.

Мэг нахмурилась.

– А почему бы тебе не почитать книгу или еще что-нибудь? – спросила она.

Он снова пожал плечами и сжал руки в кулаки.

– Пойдем, – сказала она. – Я тоже слишком перевозбуждена, не усну сейчас. Пойдем, посмотришь со мной телек.

В гостиной было темно, только в камине поблескивали тлеющие угли. В комнате тут и там были заметны следы родительского ужина: два пустых бокала из-под вина, банка от оливок, почтовая корреспонденция, кулинарная книга, раскрытая на рецепте «Курица Марсала». На продавленном диване по-прежнему виднелись вмятины от родителей и собаки. Подушки не взбиты, мусор не убран – создавалось впечатление, что родители внезапно исчезли, а не просто пошли спать.

Они застали концовку какого-то старого американского фильма с женщинами с филированными стрижками, мужчинами в нелепых брюках-клевш и заунывным саундтреком. Мэган принесла пакет апельсинового сока и два стакана.

– Мэгги! – откуда-то сверху она услышала пронзительный голос отца. – Это ты?

– Да.

– Я просто хотел убедиться, что ты пришла. Доброй ночи, милая!

– И тебе, пап.

Мэг и Риз переглянулись и улыбнулись.

– Ты долго там сидел? – спросила Мэг.

Риз в очередной раз пожал плечами.

– Не знаю.

– И часто ты так?

– Не так чтобы очень.

– О чем ты думал?

– Да особо ни о чем.

По телевизору американская дамочка кричала на американского мужика в авиаторских очках и золотой цепочке. При этом они стояли под пальмой. Обычно на таких сценах Мэган

переключала канал. Но сейчас из-за музыки и водки она расслабилась, а первые робкие признаки влюбленности еще сильнее погрузили ее в благостное состояние, поэтому она ближе придвинулась к брату, задумчиво посмотрела на него и спросила:

– Ты счастлив, Риз?

Он слегка развернулся к ней:

– Конечно, я счастлив.

– А в школе все в порядке?

– Да. Все отлично.

Она немного помолчала, а потом продолжила:

– Просто, знаешь, мне кажется, у Рори уже столько друзей, а ты...

– Уместнее назвать их приятелями, а не друзьями, – огрызнулся он.

Мэган кивнула.

– Конечно, – согласилась она, – а в школе у тебя есть кто-то, с кем ты много общаешься, ну, в обеденное время и прочее?

– Разумеется, – ответил он. – Куча народу.

– А они хорошо к тебе относятся?

Риз вперил в нее злобный взгляд.

– Давай просто посмотрим фильм, хорошо? – сказал он.

– Я не хочу смотреть фильм. Я хочу поговорить с тобой. Мы никогда не разговариваем.

– Болтовня – это пустая трата времени.

– Как ты можешь так говорить?

Он отвернулся от нее и отодвинулся на другой конец дивана.

Какое-то мгновение Мэган разглядывала его хрупкие черты, жилистые руки, торчащие из-под мешковатой серой футболки, острые колени, торчащие сквозь старомодные джинсы. Он казался таким сердитым и одновременно грустным.

Она вздохнула, а через пять минут, когда закончился фильм, встала с дивана, мягко провела рукой по голове Риза и начала подниматься вверх в свою спальню, даже не пожелав брату спокойной ночи.

Через пару часов после пробуждения Мэган наконец поднялась с постели и спустилась вниз. Лорелея в розовой пижаме суежилась на кухне, ее длинные волосы были собраны в пучок.

– О, как хорошо! – просияла она. – Ты проснулась! Через полчаса Боб и Дженни прищлют своих малышей охотиться за яйцами. Мне понадобится ваша помощь.

– Концерт был фантастическим, спасибо, что спросила, – парировала Мэг. – Эндрю Смарт поцеловал меня в губы, и в четверг мы снова договорились встретиться.

Лорелея удивленно заморгала.

– О, – неопределенно проговорила она, – хорошо. Это очень здорово.

– Конечно, это здорово. Все равно я не слишком надеялась, что ты проявишь к этому какой-то интерес, когда есть такая жизненно важная вещь, как охота за яйцами.

– О, Мэгги, – мать сложила руки и надула губы. – Никто не говорит, что это жизненно важно, просто в этом все мы. Берды. Это традиция. Мы делаем это каждое пасхальное воскресенье, при любой погоде.

– Да, мама, но твоим младшим детям уже по двенадцать. Пора покончить с этой традицией.

– Чепуха.

– Я хочу сказать, что у Боба и Дженни есть свой сад. Почему они не могут устроить там охоту на яйца? Для собственных детей?

– Потому, – начала Лорелея, – что в нашем саду есть более укромные уголки и тайные местечки. А у них лужайка находится прямо рядом с дверью... ты ведь знаешь, она совсем плоская...

Мэган глубокомысленно кивнула.

– О да, – протянула она. – Очень плоская. Бедняжки!

– Итак, – Лорелея проигнорировала сарказм дочери и просияла. – Мне нужно пойти наверх и переодеться. Могу я попросить тебя открыть пакеты?

Мэган вздохнула:

– Да, конечно.

– Хорошо. – Лорелея лучезарно улыбнулась. – Спасибо, моя милая девочка.

Боб, Дженни и трое их детей пришли сразу после 11.00. Рори и Риз согласились присоединиться к малышам, и к 11.30 все яйца были найдены. В то время как соседские дети вручали своей матери собранные яйца, чтобы та сохранила их до «после ланча», глаза Лорелеи сияли, в них читалось удовлетворение, но от Мэган не ускользнули едва заметные признаки надвигающейся паники.

– Не забудьте сохранить фольгу, – пропела она. – У нее такая милая и симпатичная расцветка!

Мэган цыкнула и пробормотала себе под нос, что она думает о своей матери, но, к счастью, Лорелея этого не слышала.

– Как обидно, что вы не можете остаться на обед, – сказала Лорелея, когда полтора часа спустя соседи засобирались домой.

– Да, но из Ирландии приезжает мама Боба, и у нас намечается что-то вроде исторического воссоединения большого клана.

Пандора с Лоуренсом в этот день были на Багамах, а Лорна с друзьями в Девоне. Впервые пасхальное воскресенье семейство Бердов проводило в одиночестве.

– Так, – сказал Колин, собирая после обеда столовые приборы и смяв салфетку, – у меня есть идея. Немного безумная. Но все же выслушайте... Что, если на следующую Пасху мы все вместе куда-нибудь съездим. Ведь вполне может так случиться, что следующий год будет последним, когда мы все вместе соберемся под одной крышей. С тех пор как родились близнецы, мы ни разу никуда не выбирались. А на эти дни туроператоры предлагают на удивление дешевые туры. К тому же я давно хотел съездить в Грецию.

Даже не глядя на Лорелею, Мэган почувствовала, как изменилось выражение лица матери. Это походило на плавающую льдину, внезапно появившуюся в комнате, твердую и зловещую.

Сначала она рассмеялась, как и предполагала Мэган. Этот смех напоминал угрожающий девичий визг. А потом сказала:

– Что за глупая идея, Колин. Каким образом мы куда-то поедим с четырьмя детьми? Откуда у нас на это средства?

– Ну, – довольно нервно начал Колин, складывая грязные тарелки. – Я тут подумал, что девочки уже выросли и нам уже не нужна огромная машина. Я в том смысле, что... когда мы в последний раз куда-то ездили вшестером? На самом деле мы можем продать нашу...

– Я тебя умоляю! – фыркнула Лорелея. – Ну кому нужна наша отвратительная грязная

старая машина?

– Мы могли бы продать ее Миллерам, – терпеливо продолжал отец. – Со дня на день у них родится четвертый ребенок. Они предлагают за нее пятнадцать тысяч.

– Ага! – воскликнула Лорелея. – Будут эти Миллеры бросать деньги на ветер.

– Кроме того, если у нас будет одна машина, нам больше не понадобится двойной гараж. Я совсем недавно разговаривал с Бобом, и он сказал, что купил бы вторую половину нашего гаража за пять тысяч долларов...

Почти тридцать секунд Мэган не дышала, наблюдая за тем, какой оборот принимает этот почти комичный и заранее обреченный на провал разговор.

– Пять тысяч! Ха! Да это просто смешно.

– Нууу... Маловато, конечно. Но он хочет сделать пристройку позади дома, а гараж использовать как мастерскую, поэтому гараж им очень пригодится. А мы получим пять тысяч долларов.

– А как же все наши вещи? Я хочу сказать, у нас там столько всего хранится...

– Ну да, разумеется. Вроде нескольких проколотых бассейнов, любовь моя. Как раз выбросим весь хлам.

Мэган заметила, что на лице Лорелеи появилось то же выражение, как и в тот момент, когда соседские дети уносили с собой все собранные яйца, как будто внутри нее происходила невидимая решительная борьба. Было совершенно очевидно, что в гараже давно пора сделать генеральную уборку, но в тот момент Лорелея не могла думать ни о каком наведении порядка.

При отсутствии каких-либо логических аргументов Лорелея просто взмахивала костлявыми руками и бормотала:

– О, это просто глупо. И турпакет в Грецию... Это звучит довольно призрачно.

Колин нежно улыбнулся и перевел взгляд на своих четверых детей:

– Дети? Ну а вы что думаете? О Пасхе под греческим солнцем? Кальмары и чипсы на обед! Бассейны с горками! Дискотека на территории отеля! – Последнюю фразу он адресовал Мэган и Бетан.

Лорелея снова пронзительно рассмеялась, как глуповатая школьница:

– Ха! Похоже, кто-то очень хорошо взялся за агитацию.

– Есть несколько брошюр, – продолжал Колин, – агенты на шоссе раздавали. Хотите взглянуть? – Он улыбнулся и поочередно посмотрел на каждого ребенка.

– Честно говоря, Колин, – сказала Лорелея, складывая горкой тарелки со своей стороны стола, – это на самом деле наиглупейший план из всех, что мне приходилось слышать. И даже если мы и можем себе это позволить, хотя кто даст гарантию, что Боб и Миллеры не передумают и мы не влезем в огромные долги из-за какого-то дешевого туроператора, – а вдруг это действительно будет наша последняя совместная Пасха, тогда тем более мы должны встретить ее здесь! В гнезде Бердов. Ведь верно, детки?

Над столом повисла угнетающая тишина. Рори опустил глаза, уставившись взглядом в колени. Бетан грызла ногти, а Риз пялился в потолок. Мэган пристально смотрела в окно на сороку, прыгавшую с ветки на ветку, и старалась не искать скрытый символизм в этой конкретной сцене.

– Мне хотелось бы куда-нибудь съездить, – произнесла Мэган, беря на себя ответственность по праву старшего ребенка в семье. – Я хочу сказать, я знаю, что всегда смогу сюда вернуться, даже спустя годы, но когда мне придется уехать из дому, кто знает,

будет ли у нас когда-нибудь возможность поехать в отпуск всем вместе? – Она пожалала плечами, а ее слова повисли в воздухе.

Ненадолго наступило хрупкое молчание, во время которого Колин ободряюще кивнул, а Лорелея сердито приподняла брови.

– А ты что думаешь? – спросил он Бет.

Она виновато улыбнулась и ответила:

– Я как все.

– Рори?

– Круто, – сказал Рори. – Да. Гениально. – Он выглядел слегка смущенным своим предательством и поспешил отвернуться.

– Риз?

Риз покраснел и пожал плечами.

– Не возражаю, – почти бесшумно произнес он.

– Вот видите, – торжественно начала Лорелея, держа перед собой огромную стопку тарелок. – Никому это особенно не интересно. Я уверена, нам надо думать о более важных вещах, на которые мы могли бы потратить все эти деньги. Я имею в виду, Мэган в следующем году надо поступать в колледж. А это недешевое предприятие.

Колин нахмурился и сказал:

– Ты знаешь, что моя мама предложила нам помочь с оплатой колледжа, так что это не проблема, дорогая.

– Ну, – проговорила Лорелея, с оглушительным грохотом ставя груды тарелок в раковину. – Я до сих пор не вижу смысла тратить все деньги на праздник, к которому на самом деле все равнодушны.

Мэган уставилась на неподвижную и слишком тонкую фигуру матери рядом с кухонной раковиной, ее лопатки, выступающие из-под украшенной оборками туники, и с трудом подавила в себе желание подойти и со всей силы ударить ее ложкой по затылку. Вместо этого она вздохнула и произнесла:

– Гм, мама, не помню, говорила я или нет, что мне надо идти.

– И мне, – сказал Рори.

Плечи Лорелеи поникли, она тяжело вздохнула. Потом очень медленно вышла из кухни, тихонько всхлипывая себе под нос.

25 июля того же года, пока Лорелея ходила по магазинам, Мэган страстно целовалась с Эндрю Смарттом на покрывале где-то в поле, а Бетан с близнецами оставались дома одни, туда вломились два шестнадцатилетних подростка в куртках с капюшонами и после неторопливого исследования вынесли видеоплеер, два телевизора, несколько ювелирных украшений, ногу ягненка, кусок говядины из морозильника. Все это они проделали, даже не потревожив детей, которые поняли, что в доме посторонние, только в тот момент, когда за ними с шумом захлопнулась кухонная дверь. Риз выглянул в окно как раз вовремя и увидел, как они бегут по садовой дорожке за ворота. Он бросился к окну, выходящему на улицу, и увидел, как они запрыгнули в черный «Форд Эскорт». Машина с визгом помчалась по деревне, а они, высунувшись в окна, гикали и что-то орали, словно находились в Гарлеме^[10].

Риз нашел этот эпизод таким захватывающим, что даже не мог выразить произошедшее словами. Он позвонил в полицию, прежде чем сообщить всем остальным, потому что боялся, что его опередят. И в течение нескольких дней после этого события он от скуки то и дело переваривал ужасные события. Но для Лорелеи это была далеко не безобидная драма. По ее

излишне эмоциональным высказываниям это «преступление было сродни изнасилованию». Она продолжала безутешно бродить по дому, заглядывая во все углы и трогая вещи. И от малейших звуков шагов по мостовой за окном или воя машин, мчавшихся слишком быстро, или автомобилей, наоборот, ехавших чересчур медленно, хруста ветки под лапами белки, шелеста листьев на ветру Лорелея, обхватив себя руками, почти задыхаясь, бежала к ближайшему окну; она всегда была начеку.

«Они еще дети, – имела обыкновение говорить Мэган, – всего лишь парочка прыщавых подростков».

Но для Лорелеи это было слабым утешением.

«Короче, в следующем году вы все можете отправляться в Грецию, – самоуверенно заявила она, – но я остаюсь, чтобы защитить наш дом».

Поэтому в Грецию, конечно же, никто не поехал.

Телефон Мэган зазвонил. Она взяла его с подлокотника кресла Лорелеи в надежде, что звонит Билл, чтобы сказать, что они с мальчиками зарегистрировались на рейс и все идет по плану. Но высветился незнакомый номер. Какое-то время она смотрела на дисплей.

– Кто это? – спросила Молли, беспокойно грызя ноготь.

– Убери руки изо рта, – прошипела Мэг. – Я не шучу, ты даже не представляешь, какую тащишь в рот заразу.

Молли вытащила палец и рассеянно вытерла его о шорты.

– Кто это? – снова спросила она.

Мэган сбросила звонок.

– Не знаю. Номер не определился, – ответила она. – Да и вообще я не уверена, что смогу прямо сейчас общаться с нормальным человеком. Может, они оставят голосовое сообщение.

– Ты странно смотришься в этом кресле, – проговорила Молли.

– Я и чувствую себя здесь странно.

– Могу я теперь присесть в него?

– Конечно. – Мэг встала и отошла в угол, уступая место дочери.

Молли осторожно положила голову на спинку кресла, а руки положила на подлокотники. Она посмотрела на мать.

– Так именно здесь она проводила все свое время? Просто сидя в этом кресле?

– В общем-то, да. По словам социального работника, она выбиралась в деревню пару раз в неделю, чтобы что-то поесть, поболтать с соседями, купить барахло в секонд-хенде и пару газет. Иногда она ездила в город, в бассейн, полагаю, чтобы принять душ. И каждый уикэнд она на машине отправлялась в оптовый магазин за всякой мелочью. – Мэган тихо застонала. Сбирать всякую мелочь. Приводить окружающих в бешенство. Смешная женщина! – Через некоторое время она возвращалась домой, шла в крошечной темноте по коридору, пробираясь в эту комнату, как крыса из канализационного люка.

– О, только не говори про крыс.

– И одному только Богу известно, чем она занималась потом.

Мэг безучастным взглядом окинула комнату. Она увидела ноутбук матери; он был крошечным – истинное воплощение последних достижений современной техники – и, должно быть, стоил целое состояние. Мэган понятия не имела, откуда мать его взяла. Она знала, что мать, несмотря на ее огромную любовь к шопингу и Интернету, так и не привыкла к покупкам в интернет-магазинах, главным образом потому, что у нее заняло бы слишком много времени добраться до входной двери и забрать кучу пакетов. Поэтому Мэган пришла к выводу, что мать приобрела ноутбук в магазине. Правда, она не могла себе представить, как Лорелея покупает в магазине компьютер. И тем не менее он стоял на своем месте, покрытый тонким слоем пыли, нетронутой за те четыре дня, что прошли с момента смерти Лорелеи. На страничке был запечатлен разговор с онлайн-возлюбленным. Это был мужчина из Гейтсхеда, которого звали Джим и с которым они в жизни ни разу не встречались, но Лорелея театрально заявляла, что безумно влюблена. Мэг по крупицам выведала подробности этой истории у матери, и ей показалось, что Джим испытывал трудности с коммуникацией. Она подумала: а может, Джим ничего не знал о смерти Лорелеи? А если знал? Да нет, скорее всего, он решил, что Лорелея из Котсуолда его бросила. Без объяснений.

Бедняга Джим.

Телефон Мэг снова зазвонил. Все тот же незнакомый номер. На этот раз она решила ответить.

– Здравствуйте?

– Мэг?

По телу Мэг пробежали мурашки, когда она услышала знакомый голос.

– Да, говорите.

– Это я. Бет.

Мэг вздохнула в трубку, потом еще раз.

– Привет...

Мэг нажала «отбой».

Бет и Мэг сидели рядышком в подземной бетонной комнате на Шафтсбери-авеню. Это был бар «*Freud*»; кто-то сказал Мэган, что это такое место, в котором непременно нужно побывать, и, конечно же, оно разительно отличалось от тех, где она бывала прежде. Правильнее было бы назвать его промышленным помещением. Необработанные стены, побитая медная барная стойка, сиденья в стиле кубизма, на доске мелом написано меню, все очень темное и неудобное.

Ей трудно было сосредоточиться на своей сестре, которая, скрючившись, сидела рядом с ней и попивала через черную соломинку лимонад. Ее не покидало ощущение, что у входа за ее спиной непременно должно произойти что-то ужасное. Но на самом деле все было не так. Все остальные посетители бара были очень похожи на нее: офисные служащие двадцати с небольшим лет, которые недавно приехали в город. Они зарабатывали копейки, искали любви и перемен. Они явно ожидали от новой жизни в городе большего, чем он мог им предложить. Возможно, многие посетители думали, что две сестры (а это было очевидно даже для посторонних глаз), сидящие рядышком в тесном уголке за колонной, на самом деле были довольно обеспеченными. Быть может, люди, вглядывающиеся в их лица поверх запотевших пивных бутылок «*Dos Equis*», задавались вопросом, а что, если они – «как раз то, что нужно»?

За шесть месяцев пребывания в Лондоне Мэган уже научилась «делать лицо», теперь она умела смотреть на других так, будто они не представляют для нее никакого интереса и совершенно случайно попали в поле ее зрения. В противоположность ей у Бет, которая всего три раза бывала в столице, подобное жеманство отсутствовало. Она просто смотрела перед собой.

Мэган гордилась, что сидела здесь с Бет. Ее младшая сестренка была на целых пять сантиметров выше ее и, как ей казалось, при внимательном осмотре отличалась особенной красотой. Не то чтобы Мэган была некрасивой. Скорее наоборот. Но Бетан могла похвастаться гривой длинных гладких черных волос, чувственными губами, словно предназначенными для поцелуя, румяными щечками и длинными ногами, о которых и говорить не стоило. Ну и, конечно, сиськи. Среди женщин в их семье только Бетан обладала такими сиськами. Кто-то однажды сказал Мэган, что сестры всегда чувствуют себя более привлекательными, когда находятся вместе, с тех пор Мэган пришла к выводу, что это правда. Без Бет Мэган считала себя всего лишь рассудительной, а с ней – исключительной.

Бет была одета в черные джинсы, черный кардиган из ангорки с засученными рукавами, черный жилет со шнуровкой, а черные волосы стянуты черной лентой.

– Помнишь свой плащик в горошек? – спросила Мэган, мысленно возвращаясь в их детство и воскрешая в памяти события их общего прошлого.

– Розовый? Как я могу такое забыть! Он был для меня чуть ли не самой главной вещью в мире. Она все еще хранит его, ты в курсе?

Мэг застонала и произнесла:

– Разумеется, она его хранит. Думаю, она хранит даже случайные предметы одежды, о которых ты имела осторожность сказать, что они тебе нравятся.

– Итак, – выражение лица ее сестры стало серьезным, – ты приедешь?

Мэг застонала. Пасхальные выходные. Она говорила матери, что пока не уверена насчет

своих планов на эти дни, но мать делала вид, что она не станет возражать, даже если это будет первая Пасха, которую Мэган проведет не дома. Единственное, что оставалось Лорелее, – просто ожидать этого болезненного события.

– Не знаю, – ответила Мэган. – Дорога не близкая.

– Понимаю, – сказала Бет, – но, пожалуйста, приезжай. Будет дерьмово, если ты не приедешь.

– Нет, не хочу, – глумилась Мэг. – Все будет в точности так же, как и каждый год, только я не приеду.

– Да, именно. Ты единственный нормальный человек в нашей семье.

– А папа?

– Ну да, почти, хотя, думаю, двадцатипятилетнее совместное проживание с мамой в конечном итоге выжало из него все соки. В последнее время он, кажется, не совсем в себе.

– Что ты хочешь сказать?

– Не знаю. По-моему, он в смятении. И ослаб. Очень ослаб.

Мэган представила отца, высокого, почти метр девяносто пять, с небрежно уложенными волосами, с лицом эльфа, чье терпение граничило с абсурдом, когда речь шла о его постоянно взвинченной и инфантильной жене. Он не мог себе позволить пребывать в смятении или быть слабым. Он должен был быть твердым, разумным и полностью вникать в каждую деталь их совместной жизни, иначе все устройство могло развалиться на части. Мэган даже слегка вздрогнула от мысли, что сейчас, возможно, он пустил все на самотек.

– Как близнецы?

– Хм.

– Хм?

– О, у них все прекрасно. Но у Рори появилось несколько новых довольно подозрительных друзей.

– По-моему, у него всегда были подозрительные друзья, разве нет?

– Ну да, но эти еще более подозрительные, чем остальные.

– Наркоманы?

Бет пожала плечами.

– Возможно.

– О боже. – Мэган запустила руки в свои каштановые кудри. – А как Риз?

– Риз есть Риз. Никаких подозрительных друзей. Вообще никаких друзей, насколько я вижу. Он просто сидит в своей комнате, врубает на всю катушку гранж^[11] и допоздна слушает.

– Этот парень совсем не высыпается.

– Да, мало того, он и учиться стал хуже. Ты же знаешь, Рори достаточно полчаса пролистать учебники, и уроки сделаны, но Ризу нужно по-настоящему сосредоточиться, а поскольку он действительно не высыпается, то... В общем, папа думает, что он провалит все экзамены. К тому же он, ну ты знаешь, он немного странный.

– Более странный, чем обычно?

– Его вызвал к себе в кабинет директор школы, потому что он однажды околачивался около девчачьей раздевалки.

– Не может быть!

– Может. Это было ужасно. И мы узнали об этом только потому, что папа знаком с учителем географии, который рассказал ему обо всем на пороге школы. Но поскольку

доказательств против Риза не было, его не наказали, но сейчас, судя по всему, все девочки ненавидят его и называют отморозком и извращенцем. – Бет слегка вздрогнула. – Это ужасно, – шепотом добавила она.

– Иисусе, – проговорила Мэг. – А что мама говорит?

– Ох, ну ты же знаешь, она, как всегда, встала на его защиту, полностью окружила заботой своего драгоценного ребенка и т. д. и т. п. А он говорит, что никаких доказательств нет, лишь одна девчонка на него наговорила. Но если быть абсолютно честной, – Бет сделала паузу и понизила голос, – на самом деле я не удивлюсь, если все это правда. Он самый странный мальчик из всех, кого я знаю.

– Приезжай и живи со мной, – сказала Мэган, она вдруг испугалась за свою мягкосердечную младшую сестру, которая едва ли провела с момента своего рождения хоть одну ночь вне дома и всегда на цыпочках ходила вокруг домочадцев, как будто они были признанными авторитетами, а, кроме всего прочего, она была совсем непритязательна. – Переезжай ко мне в Лондон. Я не шучу. В моей комнате есть место для еще одной кровати, мы могли бы пополам оплачивать счета. Я могла бы устроить тебя к себе на работу, у них всегда есть вакансии.

Бет улыбнулась.

– Да уж, – проговорила она, – конечно.

– Что?

– Ты можешь представить, как я скажу об этом маме?

– Почему бы нет?

– Потому, – секунду сестра взволнованно смотрела на нее. – Не знаю, – сказала она. Потом улыбнулась. – Хотя... Может, и смогу.

– Конечно, сможешь! В июле ты оканчиваешь колледж. Будешь дипломированным секретарем. Тебе в Лондоне самое место.

Нерешительное выражение лица Бет сменилось на немного взволнованное.

– Да, – сказала она. – Я хочу сказать, что нам было бы весело, правда?

Мэган кивнула.

– Уж удовольствий будет больше, чем огорчений.

– К тому же у мамы есть близнецы...

– Перестань волноваться за маму!

– Знаю, знаю. Ты права. Иногда я просто ничего не могу с собой поделать.

– Тебе нужны перемены, – сказала Мэг. – Тебе нужно уехать от нее. От всего этого. Иначе атмосфера дома полностью поглотит тебя. Я серьезно. Все так и будет. И ты даже не поймешь этого до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Через два дня Бет вернулась домой из Лондона. Дом Бердов, тихий и пыльный, был наполнен солнечным светом и отдаленными звуками. Она оставила свой чемоданчик у подножия лестницы и несколько раз окликнула домочадцев. Поскольку никто не ответил, она предположила, что она в доме одна. Бет чувствовала на коже следы грязи большого города. Несмотря на то что утром она приняла душ в небольшой чистой ванной Мэган, она не могла отделаться от этого неприятного ощущения. Бет сделала себе чай и отправилась с чашкой в свою комнату. На какое-то время она остановилась посередине комнаты и представила себя не здесь, а в комнате сестры в Вуд-Грине с высокими потолками и видом на череду магазинов, с общей кухней и соседями по квартире из разных уголков мира.

Переехать жить к сестре казалось невозможным, хотя, конечно, с точки зрения практичности так было бы лучше.

Она подошла к окну и устремила взгляд на беспорядочно разбросанные сады, потом ее взгляд уперся в старый зеленый гамак в дальнем конце сада и поля за его пределами. Ее мысли всколыхнули воспоминания о давно минувших днях и событиях, которые никогда уже больше не вернуться. Но когда она мысленно обратилась в будущее, там не было ничего, только пустое пространство. Она вздохнула и присела на подоконник, размышляя об отсутствии амбиций и желании двигаться вперед. Бет недавно записалась на курсы секретарей, потому что они находились в десяти минутах от колледжа, и она знала, что это не повредит учебе. Девушка допустила, что в ближайшее время она, вероятно, в конечном итоге станет секретарем. Но благодаря фатализму, а не четкому жизненному плану.

Бет начала раздеваться, наслаждаясь приятным ощущением, когда высвобождала груди из тесного бюстгалтера, который не снимала с утра пятницы. Она взглянула на свое тело в зеркале на дверце шкафа. Бет осознавала его красоту и вдруг немного побледнела, думая о том, что она не осмелилась рассказать Мэг той ночью в баре. О взглядах ее брата. Внезапно она почувствовала, что за дверью ванной кто-то есть.

Она давно наблюдала, как у Рори пробуждается интерес к женщинам, но в его случае это напоминало распускающийся бутон: нечто естественное, неизбежное, почти очаровательное, что-то, не имеющее отношение лично к ней. Но у Риза это напоминало темную тень, окутывавшую все, к чему он прикасался. Включая ее.

Она завернулась в полотенце, заправила волосы под шапочку для душа и направилась к ванной. Станный звук заставил ее остановиться около спальни родителей.

– Мама?

Бет вцепилась в полотенце, прижала его ближе к груди и легонько толкнула дверь. Риз лежал на родительской кровати, натянув до подмышек атласное пуховое стеганое одеяло, насколько поняла Бет, абсолютно голый. Он уставился прямо на нее.

– Господи, – проговорил он, удивленно глядя на нее, – когда ты вернулась?

Бет наполовину стояла за дверью, заслоняя свое тело от его странного злого взгляда.

– Десять минут назад, – ответила Бет. – Что ты делаешь, Риз?

Он пожал плечами.

– Сплю.

– Но почему ты спишь в кровати родителей?

– Здесь электрическое одеяло.

Она кивнула, а потом состроила гримасу:

– На улице шестнадцать градусов. Зачем тебе электрическое одеяло?

Он опять пожал плечами.

– Мне нравится.

Бет снова кивнула.

– А почему ты голый?

– Я не голый, – ответил он, откидывая одеяло и демонстрируя свое бледное тело в трусах, которые были ему слишком велики.

Мэг отвернулась и поморщилась.

– Прекрасно, – ответила она. – Я пошла в душ.

– Как в Лондоне? – спросил он, прежде чем она собралась уходить.

– Все было хорошо.

Риз кивнул. Она отвела взгляд от его тела и буркнула:

– Ну ладно.

– Как Мэг?

– Отлично, – ответила Бет. – Отлично.

Ей хотелось поскорее уйти. Она не хотела разговаривать с братом, пока он лежал в постели родителей в одних трусах. Бет закрыла за собой дверь ванной и на мгновение прислонилась к ней, прислушиваясь к шагам брата по коридору. У двери ванной они смолкли, и Бет различила его дыхание. Потом она услышала, как он развернулся и пошел прочь, а еще через минуту раздался щелчок закрывающейся за ним двери спальни.

На Пасху Мэган приехала домой. Она спала на матрасе в комнате Бет, потому что ее собственная спальня со времени ее последнего визита домой оказалась практически непригодной для проживания: там появилось еще больше башен из книг и коробок с бытовыми товарами, приобретенными в мелкооптовом магазине, в котором Лорелея недавно оформила карточку.

– Все не так плохо, – сказала Лорелея, заглядывая в дверь через плечо Мэг. – Здесь хватит места вам обеим.

– Все не так плохо, – повторила Мэг. – Господи, мама, зачем тебе столько, – она перевела взгляд на ближайшую к ее ногам коробку, – средств от насекомых.

Лорелея закатила глаза.

– Мы живем за городом, – многозначительно произнесла она, как будто Мэган больше не являлась членом этого эксклюзивного клуба загородного жилья. – У нас очень много насекомых.

– Я имею в виду, что это пожароопасно, разве нет? Представь, если это все вспыхнет? Крыша взорвется сразу. О господи!

– Это очень выгодно, дорогая, – почти пропела Лорелея, уворачиваясь от прямого ответа. – Экономия семейного бюджета.

– Да, конечно, но семье на самом деле не нужны будут никакие деньги, если все мы сгорим заживо в огненном шаре.

– Мы много тратим, – отрезала Лорелея. – И никакого пожара не будет.

– Мам, весь наш дом – сплошной источник возгорания. На пятьдесят процентов он состоит из бумаги.

Лорелея хмыкнула.

– Знаешь, – начала она, – мне кажется довольно интересным тот факт, что я совершенно счастлива в этом доме до тех пор, пока не приедешь ты и не начнешь все критиковать.

– Это потому, что я пытаюсь быть объективной, мама. Я вижу много такого, чего ты не замечаешь. Я вижу, чем ты тут занимаешься.

– А чем именно таким я занимаюсь, Мэган, кроме того, что ухаживаю за всеми и делаю лучшее, на что способна, чтобы заботиться и поддерживать в нормальном состоянии наш прекрасный дом?

Мэган не соизволила ответить. Это было бы слишком жестоко.

Боб и Дженни прошлым летом переехали, и в доме по соседству теперь обитала молодая пара с ребенком, которые обменяли квартиру в Клэпхеме^[12] на коттедж в Котсволде, словно сошедший с художественной открытки. Они представились как Вики и Тим, а их малышку звали Мадлен, и, конечно же, Лорелея пригласила их на пасхальный обед. Мэган могла

только воображать, насколько это приглашение застало их врасплох, совершенно не оставив времени, чтобы придумать вежливый предлог для отказа. Мысленным взором она даже видела, как Вики, заикаясь и пытаясь проглотить комок в горле, с ужасной фальшивой улыбкой, сглатывая слюну, говорит: «Ээ, ну хорошо, это было бы здорово». Мадлен было всего шесть месяцев, но Лорелея тем не менее завернула в фольгу яйца и вытащила плетеные корзины, и все отправились сопровождать Вики, Тима и их малышку по саду, сильно волнуясь и охая всякий раз, когда кто-то находил яйцо. Ребенок на руках Вики смотрел на все это в полном замешательстве.

Был приготовлен и нарезан ягненок, яйца съедены, фольга с комментариями разглажена и отложена в сторону, солнце светило, было слишком много моркови и мало картошки, желтые стены кухни будто бы испытывали боль под тяжестью детского творчества. Разговор не ладился, поскольку никто на самом деле не знал, о чем еще говорить, а Мэган жалела, что не осталась в Лондоне. В четыре часа Вики с Тимом вместе со своим спящим ребенком отправились домой, а затем довольно неожиданно, минут через пять, Вики вернулась с бутылкой божоле, они с Лорелейей устроились подальше в укромном местечке. Они пили, смеялись и болтали больше трех часов.

Мэг и Бетан вопросительно подняли брови и переглянулись, глядя на эту парочку. А из сада доносился громкий смех взрослых, которые сидели, нежась в лучах вечернего солнца.

– Ну, – сказала Бет, – не все, как ты, считают маму такой ужасной, между прочим.

– Я не считаю ее ужасной. Я просто считаю, что она больна.

Бет фыркнула.

– Она эксцентричная, только и всего.

– Гм...

– Если начистоту, то да, она больна, – рассмеялась Бет. – Но она милая, у нее так много энергии, она очень добропорядочная. Она хочет как лучше.

– Она *не* хочет как лучше. Знаешь, с тех пор как я приехала, она еще ни разу не спросила меня о моей работе. Даже не заметила, что я подстриглась.

– Может она сердится, что ты уехала из дома?

– Ну ведь это ненормально, ты так не считаешь? Что это за мать, которая злится на то, что ее двадцатилетний ребенок уехал из дома?

– Хорошо, возможно, она сердится из-за того, что ты уехала именно в Лондон?

– А при чем здесь Лондон? Половина подростков из этой деревни в итоге оказывается в Лондоне. Так поступают все нормальные люди. А как дела с Ризом?

– С Ризом?

– Ну, она ведет себя так, словно махнула на него рукой. Даже не заставила его спуститься к обеду. Как будто ей все равно.

– Она пыталась, я слышала. Он просто отказался спуститься.

– Но если бы это был мой ребенок, я бы не смогла спокойно сидеть за столом с этими малознакомыми людьми и болтать про охоту за яйцами, словно ничего не случилось. Я бы насильно притащила его вниз. Я хочу сказать, что он сегодня еще даже не ел. А сейчас, – Мэг взглянула на часы, – сейчас уже почти семь. Почти семь часов, а она сидит там, достает своей болтовней какую-то женщину, с которой едва знакома, а ее сын весь день предоставлен сам себе, а она даже ни разу не поинтересовалась, как он там. – Мэган сердито встала и направилась в дом. – Пойду, сделаю ему сэндвич, – добавила она.

Она положила ломтики холодной баранины, политые мятным соусом, между двумя

толстыми кусочками хлеба с маком и густо намазала майонезом, потом нашла пакетик чипсов и банку колы и поставила все это на поднос. Она испытывала ярость из-за того, что ей приходится исполнять роль матери, в то время как настоящая мать сидит и пьет красное вино, наслаждаясь вниманием новоиспеченного и ничего не подозревающего «обожателя». Мэг шла по дому, ежась от вида картонных коробок, выстроившихся на каждой лестничной ступеньке и заполонивших прихожую, от груды почтовых конвертов, рисунков, ожидающих своей очереди, чтобы занять место на стене, и грязного белья. Создавалось впечатление, что все эти предметы хотели донести до места назначения, но почему-то бросили на полпути. Повсюду царил хаос. Все, кто попадал в дом Бердов, за исключением Вики и Тима, восторгались и ворковали об очаровании этого места: «Так уютно! Так гостеприимно!» Но они не замечали правду, которая заключалась в том, что этот дом представлял собой плод работы беспорядочной мысли, которая все сопутствующие этому хаосу факторы воспринимала как должное.

Мэган на мгновение остановилась на лестничной площадке, наблюдая за птицами на деревьях: кучки воробьев и синиц струдились на ветках, отталкивая друг друга, чтобы отвоевать себе пространство. Она поставила поднос на подоконник и присела. Снизу она слышала голоса матери и ее новой подруги, они кудахтали и повизгивали, а сверху, где-то под крышей, из комнаты брата слышалась мелодия *Alice in Chains*. С улицы доносились только звуки природы: трели крошечных птичек, приглушенный шум трактора, возвращающегося после полевых работ, отдаленный лай собаки. Она глубоко вздохнула, чтобы прочувствовать это мгновение. Сколько всего она пропустила, пока была в Лондоне! Нет, не безумие этого дома, где у любого нормального человека могла бы развиться клаустрофобия из-за невероятной груды вещей. И она совсем не тосковала по своей сумасшедшей матери, пассивному отцу, беспокойным братьям и чересчур хорошей сестре, ей не хватало загородного мира и простой чистой жизни, царящей за окном. Мэг снова вздохнула и на какое-то мгновение задержала дыхание. Потом она взяла поднос, чтобы преодолеть восемь шагов, отделявших ее от комнаты младшего брата. Восемь маленьких шагов, разделявшие «сейчас» от «потом».

Между тем, что она знала, и тем, чего никогда бы не смогла предположить. Между прошлым и будущим, между крошечным мгновением умиротворения и худшим моментом в своей жизни. Когда она постучала четвертый раз, но ее брат так и не открыл дверь, Мэган почувствовала, как в животе что-то сжалось и возникло какое-то нехорошее предчувствие. Она поставила поднос на пол и толкнула дверь. Дверь поддалась сравнительно легко, потому что болты на дверной щеколде с внутренней стороны давно расшатались (к тому же щеколду поставил сам Риз, Лорелея же считала, что комнаты детей не должны запираются изнутри).

Музыка звучала так громко, что Мэган ощущала ее даже ногами: старые прогнувшиеся половицы, выложенные еще триста лет назад плотниками, не предполагавшими, что в мире может существовать подобная какофония и решившими бы, что это происки дьявола, беспрестанно вибрировали. Там был он. Ее младший брат. Единственный из всех, под кого она никак не могла подстроиться. Единственный, на кого она постоянно сердилась и с которым старалась не связываться. Самый младший. Тот, за кого больше всех болела душа. Единственный, с кем она не могла разговаривать. Его тело болталось высоко над кроватью, шею сдавливал тонкий шнур. Судя по всему, он уже давно был мертв, его распухший язык непристойно торчал изо рта, промежность джинсов была влажной, а глаза широко распахнуты.

Здравствуй, Джим!

Ну и погода у нас! В некоторых частях графства даже объявили штормовое предупреждение! А как там у вас в Гейтсхеде? Я теперь всегда слушаю ваши прогноз погоды, похоже, вас тоже заливают. Фух! Как же хорошо, что у нас не бывает (и надеюсь, никогда не будет) наводнений. Боже, я вздрагиваю от одной мысли о том, что мой домик вместе со всеми вещами уйдет под воду! Я храню кучу газет (ох, наверное, это звучит так, как будто мне сто лет в обед), и если все они размокнут от воды, то заткнут меня в доме, как пробка. Но в любом случае вряд ли стоит об этом думать.

Очень сожалею о твоём сыне. Боже, как это ужасно. Даже несмотря на то, что он все эти годы употреблял наркотики. Тридцать один – совершенно неподходящий возраст для смерти. Все внутри переворачивается вверх дном, и уже не можешь жить, как прежде. Как видишь, я знаю, каково это. И поскольку мы с тобой стали так близки в последнее время, думаю, можно тебе рассказать: я тоже потеряла сына. Мой малыш... Мой маленький Риз. Он покинул нас, как только ему исполнилось шестнадцать. Повесился в своей комнате. В Прощеное воскресенье. Извини, мне нужно перевести дух. Знаешь, я никогда никому об этом не рассказывала. Но я также никогда не встречала того, кто, как и я, потерял ребенка (кроме моего мужа, конечно, но это ведь другое, да?). Я так долго переживала этот кошмар, что всегда боялась вспоминать, как это произошло. Понимаешь, о чем я? Хотя вряд ли. Мне кажется, все эти причитания и рыдания не про тебя. В любом случае у нас с тобой гораздо больше общего, чем можно было подумать сначала. И, если тебе интересно, Риз не оставил никакой записки. Только тайну. Жуткую тайну. Но у меня есть свое предположение, может, даже не предположение. Я никогда не говорила об этом, Джим, но, кажется, я знаю, почему он покончил с собой. Я не говорила никому потому, что любого такие вещи могут повергнуть в шок. В том числе и меня. Ой, что это я?

Не могу же я разболтать тебе все свои тайны так быстро, у тебя же волосы дыбом встанут!!!

А теперь о менее ужасных вещах. Ты читаешь гороскопы?

Если да, то я по гороскопу Рак. Можно сказать, я самый типичный представитель – домосед, воспитанный, чувствительный, творческий и так далее.

А кто ты по гороскопу? Думаю, что... Дева!!! Угадала?!

С наилучшими пожеланиями,

Лорелея

– Так что же, бабушка спала вот здесь, да? – спросила Молли, барабаня по подлокотникам кресла.

Мэг окинула взглядом комнату. Кровать Лорелеи была завалена одеждой и сумками. На полу около стула лежало одеяло с узором из цветков фуксии и лаванды и подушка из того же комплекта.

– Похоже на то, – ответила она.

– Боже.

Мэг кивнула. Единственная прихоть, которую Мэг позволяла себе ежедневно, так это полежать на огромном матрасе с вытянутыми ногами, чтобы ступни ощущали мягкую, шелковистую простыню (чисто постиранную, выжатую, спрыснутую туалетной водой и постеленную не более пяти дней назад), и при этом еще можно было бы с головой зарыться в мягкую подушку. Когда она видела бездомных, живущих в постоянном страхе, бедности и одиночестве, ее сердце обливалось кровью. Никаких кроватей у них не было. А ее мать жила в доме с пятью спальнями. Ее вечно всклокоченные волосы, согнутая, словно арка, спина, склоненная вправо шея, – вот она сидит в этом потертom кресле днями напролет. Она никогда и не лежала на этой кровати. «Боже мой, – подумала Мэг, – неужели она настолько себя ненавидела?»

– Идем, – сказала она. – Посмотрим, что там наверху. – Она протянула руку Молли, чтобы помочь ей встать с продавленного кресла.

– А можно увидеть твою комнату?

Мэг недовольно вздохнула. Она лишилась своей комнаты через неделю после того, как уехала из дома. Тогда ей было двадцать.

Ее мать сразу же превратила ее в склад.

– Ну, если ты так хочешь, – ответила Мэг дочери.

Она повернула налево из комнаты Лорелеи, прокладывая себе путь через очередной коридор, забитый барахлом, к двери ее бывшей комнаты. Она повернула ручку и попыталась войти, потом повернулась к Молли и закатила глаза.

– Господи боже, – сказала она. – Кажется, она совершенно завалена.

– Дай-ка я попробую. – Молли прислонилась своей тоненькой фигуркой к двери. Она толкала ее спиной, боками, руками.

– Не открыть, – сказала она, повернувшись к Мэг. – Как это возможно? Как она затаскивала все внутрь, если мы не можем даже открыть дверь?

Мэг пожалала плечами.

– Это не поддается здравому смыслу. Твоя бабушка была очень странной женщиной.

– А где комната Бет?

– Вот здесь, за этим углом, – сказала Мэг.

Она шла по стенке, оставляя следы своих рук на пыльных обоях.

Лучшие обои от Лоры Эшли с бледно-зелеными магнолиями все еще носили на себе следы ее детства: линии фломастеров и наполовину разорванные наклейки. Вот она, комната Бет, до сих пор с табличкой, купленной в сувенирной лавке в Уэстон-сьюпер-Мэр.

Комната Бет. У обеих девочек были такие таблички. Мэг до сих пор помнила тот

восторг, с которым они бегали глазами по витрине, и да! Они нашли табличку с именем «Мэган»! (В магазине, правда, не было табличек с именами Рори и Риза, но близнецы были слишком маленькими, чтобы расстраиваться из-за этого.) Девочки приклеили к своим дверям таблички скотчем. Со временем Мэг по какой-то причине сняла свою табличку, и та разломилась пополам у нее в руках. Она выбросила ее, никогда больше не вспоминая. До этого момента. Внезапная, мимолетная мысль о том, что когда-то все они были счастливы. Даже Риз. «Невозможно, – подумала она, – невозможно». Бет же никогда не снимала свою табличку, словно застряв в прошлом и не развиваясь, как эмбрион, заспиртованный в банке. Дверь была чуть приоткрыта, и, заглянув внутрь, Мэг ничуть не удивилась: все те же груды барахла. Окна были занавешены грязными занавесками, покосившимися на одну сторону и потому пропускавшими внутрь только лишь небольшой луч света. Шкаф Бет стоял слева от двери. Его дверцы широко распахнулись, выставляя напоказ одежду сестры: старые наряды, которые она носила, когда еще что-то значила для Мэган. Когда она была ее сестрой. Телефон Мэг внезапно зазвонил. Она взглянула на экран. Билл, слава богу.

– Здравствуй, дорогая. Мы приехали!

– Боже, – сказала Мэг, вычеркивая из головы один из своих смертельных страхов. К счастью, вторая половина ее семьи не погибла в авиакатастрофе на пути из Гатвика в Берн.

– Как прошел полет?

– Прекрасно.

– А как мальчики?

– Мальчики! – Она услышала, как муж окликает их. – Мама спрашивает, как у вас дела!

Мэг улыбнулась, услышав, как три тоненьких голоса хором заявили, что у них все хорошо.

– Небольшая проблема с багажом, – произнес Билл. – Доехали только три пары лыж. Застряли тут на полтора часа. Пришлось немного поскандалить.

– Боже, только не со швейцарцами. Не надо было так, они этого не любят.

Билл рассмеялся. Звук его смеха успокоил Мэг. Как далеко все это было сейчас: теплый, мягкий, шумный Билл, трое ее озорных рыжеволосых веснушчатых мальчишек, их объятия, чистота и лоск швейцарского аэропорта, четыре добротного упакованных чемодана с одеждой, пахнувшей домом. Ее домом.

– Хочешь поговорить с папой? – спросила Мэг у Молли.

Молли пожала плечами и кивнула головой.

– Молли хочет поболтать с тобой. Погоди, погоди. Нет, расскажу потом, да, мы уже здесь. Все расскажу позже. Люблю тебя. Всех вас люблю. Я позвоню, когда мы с Молли доберемся до отеля. Да-да. Люблю тебя. Пока.

Она передала трубку Молли и ужаснулась возвращению в этот мир: от чистоты и любви к хаосу, грязи, одиночеству и смерти. От тишины у нее зазвенело в ушах. Это была не тихая провинциальная тишина, но безмолвный ужас этого дома с его глухими окнами и стенами. Казалось, будто ее с головой накрыла какая-то пелена.

Где-то зазвенел будильник. Но не ее. Ее звенел громко и пронзительно. А этот больше гудел, чем звенел. Она открыла глаза и огляделась. Десятки коробок. Окно занавешено простыней, поскольку у них еще не было занавесок. Широкое округлое зеркало стояло около дальней стены, отражая двух человек на только что купленном диване-кровати, один из которых спал полусидя, повернувшись к ней, а другой лежал. Тот человек, который спал полусидя, выглядел каким-то потрепанным. Мэган поправила волосы и зевнула. Звук будильника становился все громче. Это был будильник Билла.

Она слегка толкнула человека, устроившегося рядом с ней, и произнесла:

– Билл, вставай. Твой будильник звенит. Достань его и выруби.

Билл открыл один глаз и тут же закрыл его. Он улыбнулся и уткнулся в округлый живот Мэган.

– Билл! – снова сказала она. – Он меня раздражает! Сделай что-нибудь!

Он слегка застонал и отпрянул от нее.

– Ты уверена, что это мой? – устало спросил он.

– Конечно твой, неужели не узнаешь звук?

– Что-то я не помню, чтобы мой так гудел.

Он встал с кровати, и Мэг наблюдала, как он, голый, спотыкаясь, шел сквозь кучу нераспакованных коробок. Она весело улыбалась, глядя, как он по очереди прикладывает ухо к каждой коробке.

– Ты выглядишь забавно, – заявила она.

– Еще бы. Ты могла бы и помочь, – ответил он.

Мэг отодвинула одеяло и указала на свой приличных размеров живот.

– Это освобождает меня от всего на следующие три с половиной месяца.

– От всего?

– Да, от всего.

Ребенок был ими не запланирован. Ей было всего двадцать четыре. Вместе они всего пять месяцев. Смешной срок.

Но Мэган всегда хотелось иметь большую семью, минимум четверых детей. Так что, чем раньше они начнут появляться на свет, тем лучше. Она поняла это с того самого момента, когда тест показал две полоски. Несмотря на свой возраст, Мэг была уже довольно взрослой и много чего повидала: вечеринки до рассвета, два парня, с каждым из которых она встречалась достаточно долго, и десять мимолетных увлечений. Она пробовала наркотики, но все же предпочла алкоголь.

Она напивалась до беспамятства и в итоге решила все же воздерживаться и от него. Могла приготовить жаркое, написать своему банковскому консультанту, у нее была машина, которой она умело управляла даже на шоссе.

А потом появился Билл. Биллу было тридцать два, он владел собственной галереей, он был разведен и выплачивал ипотеку. А и еще он уже начал лысеть. Конечно, кто-то скажет, что двадцать четыре года – рановато для того, чтобы обзаводиться детьми. Но для Мэган и Билла все получилось очень кстати. Поэтому Билл продал свое бывшее любовное гнездышко с кроваво-красными стенами и мебелью с расцветкой под зебру над парикмахерской на Меловой улице и купил двухкомнатную квартиру с садом неподалеку от парка Тафнелл. Он

расстался со всем этим легко и без сожалений. И в это прекрасное утро Прощеного воскресенья они впервые проснулись вместе. Билл принял гордую позу.

– Ага! – произнес он с дурацким выговором. – Наконец-то заряд обнаружен! У меня есть полминуты, чтобы обезвредить его до взрыва.

Он разорвал скотч и вытащил будильник из коробки.

– Вот так, – сказал он, вернув покой в их комнату, секунду назад сотрясавшуюся от беспощадного гула. – Извини.

– Ничего страшного, – улыбаясь, ответила Мэган.

– Надо же, моя бывшая меня бы уже съела за такое. Ты такая спокойная и замечательная. Прощу тебя, оставайся такой всегда.

Мэг нравилось, когда Билл упоминал о своей бывшей жене, поскольку он никогда не отзывался о ней хорошо. Она никогда не встречала ее, но эта особа представлялась ей похожей на Круэллу де Виль. Ее звали Мишель. Она вышла замуж за своего босса и теперь жила в Испании, оставив лишь свою тень в жизни Мэган. Вдруг зазвонил телефон, и Мэг с Биллом переглянулись.

– Наш первый телефонный звонок! – торжественно заявила Мэг, наклоняясь, чтобы достать телефон. – Кажется, я знаю, кто это.

– Счастливой Пасхи!

– И тебе! – ответила Мэг, снова опустив голову на подушку и зажав телефон плечом. – Это Бет, – шепнула она Биллу, который понимающе кивнул и направился в ванную. – Как твои дела?

– Отлично! – ответила Бет своим звонким, похожим на мамин, голосом. – А у вас как?

– У нас тоже все хорошо, – сказала Мэг, слегка погладив свой живот и потянувшись.

– Как проходит переезд?

– Замечательно, – ответила Мэг. – Всем занимается Билл, а я только и делаю что валяюсь. Теперь осталось только разобрать коробки, повесить занавески, постричь лужайку, выбить ковры и родить.

– Так хочется увидеться с вами! – радостно произнесла Бет.

– Ты же знаешь, в любое время, – сухо ответила Мэг. Бет стало трудно вытащить из дома Бердов, как и маму.

– Да! Может, в следующем месяце.

– Да, – повторила Мэг, – в следующем месяце. – Как там мама?

– У нее все хорошо. Хочешь поболтать с ней?

Мэг вздохнула.

– Да, дай ей трубку.

На мгновение телефон замолчал, и Мэг услышала, как ее мать жаловалась на что-то, но буквально через секунду взяла трубку.

– Привет, милая!

– Привет, мам.

– Счастливой Пасхи! Мы как раз собираемся пойти в сад с корзинками для яиц. Тут Мэдди, малышка Софи и, конечно, Вики. Поздоровайся с Мэг, Вики!

Мэг закатила глаза и услышала на заднем фоне крик Вики:

– Привет, Мэгги!

После жуткой Пасхи 1991 года Лорелея и Вики стали неразлучны. Оказалось, что первый парень Вики повесился в восемнадцать лет, так что эти несчастья объединяли их. По

словам Бет, Вики забегала к ним каждый день в половине одиннадцатого утра вместе с двумя своими детьми, и остаток дня до заката они с Лорелеей проводили, хихикая за бокалом шардоне. Потом Вики, услышав, как паркуется ее муж, быстро собиралась, оставляла недопитым вино и шла к соседнему дому, чтобы встретить его.

– Это мило, – сказала бы Бет. – Рада, что у мамы появилась подруга.

А Мэг сказала бы: «По мне, так это более чем странно».

– Когда ты собираешься провести Риза? – нетерпеливо спросила Мэг.

– Ох, – сказала Лорелея, – ну я не уверена, что у нас сегодня будет время, не так ли?

Это вопрос был адресован тем, кто находился в комнате рядом с ней, а не Мэган, лежавшей в уютной кровати напротив парка Тафнелл.

– Позовешь мне снова Бет?

– Хорошо, милая. – Мать произнесла эту фразу с явным облегчением, поняв, что разговор с ее старшей дочерью подошел к концу.

– Бет! – возмущенно сказала Мэг, как только поняла, что трубка снова у сестры. – В чем дело? Почему мама не хочет навестить Риза?

Бет вздохнула.

– Не знаю. Она говорит, что уже пережила это.

– Пережила? Прошло всего четыре года. Нельзя «пережить» посещение могилы сына в годовщину его смерти.

– Ну, – голос ее сестры слегка задрожал, – ты ведь тоже не собираешься навещать его, не так ли?

– Нет, – бросила Мэг, – конечно, не собираюсь! Я почти на седьмом месяце беременности, в ста милях от вас и только что переехала в новую квартиру. Я очень хотела бы провести Риза. Я приходила к нему всегда, когда была возможность, все эти четыре года. Но папа и Рори ведь навещают его, да?

На другом конце трубки воцарилась тишина, встревожившая Мэган.

– Скажи мне, Бет, остальные проводят его?

– Ну, вообще-то папы сейчас нет.

– Где он?

– Не знаю.

– А Рори?

– Прошлой ночью он не приходил, насколько мне известно.

Мэг закипела от злости.

– Вы все яйца выеденного не стоите, – крикнула она. – Все вы.

И бросила трубку.

Он купил ей яйцо. Самое дешевое. В сиреневой фольге, внутри заполненное шоколадными конфетками. Потом он выдернул несколько нарциссов из ухоженной клумбы перед чьим-то домом. Солнце стояло высоко и светило очень ярко. Впервые в жизни Рори Берд был влюблен. Ее звали Кайли, и сейчас она ждала его в своей комнате. Он встретил ее три дня назад в местном пабе. Она была двоюродной сестрой одного из его приятелей, только что переехавшей в Англию; на два года старше его, блондинка с короткой стрижкой, ирландским акцентом, собственной гитарой, татуировкой на левой груди и свежим шрамом на левом запястье, о котором, как она сказала, поведает ему, когда будет ему доверять. Он не покидал ее с той ночи в пабе. Она посылала его за молоком и сигаретами, и сейчас он

быстрой походкой шел по утренним улочкам Сиренчестера, отчаянно желая поскорее вернуться к ней. Рори не покидало это странное чувство. Хотя, что уж говорить, для него вообще чувствовать что-либо было странно. Последние два года он будто оцепенел.

– Я вернулся! – крикнул он, подходя к порогу двери.

Кайли, все еще обнаженная, лежала в постели развалившись. Ее кожа была мертвенно-бледной, глаза сосредоточенно уставились на экран портативного телевизора, пристроенного в ногах. Девушка улыбнулась Рори и оперлась на локоть.

– Я соскучилась.

Он усмехнулся и достал яйцо и нарциссы из своей сумки.

– Счастливой Пасхи, – сказал он, протягивая ей все это и устраиваясь на кровати.

– О, мой дурачок, – сказала она, взяв яйцо и понюхав цветы. – Не думала, что ты верующий.

– Разве обязательно быть верующим, чтобы купить пасхальное яйцо?

– Там, откуда я родом, обязательно.

Она улыбнулась и начала разворачивать яйцо.

– Я бы выпила чашечку чая, – сказала она, – ну, вприкуску с этим яйцом.

Он провел рукой по ее щеке и поцеловал в губы.

– Сейчас заварю.

Кайли достала яйцо из коробки и развернула фольгу. Рори наблюдал за ней, стыдясь сказать «оставь фольгу».

Он улыбнулся от этой мысли, и Кайли удивленно взглянула на него.

– Почему ты улыбаешься?

– Ничего. Просто... – неловко ответил он. Они разговаривали о его матери, его семье, о Ризе. Разумеется, обо всем этом. Нельзя влюбиться в человека, если ты не говорил с ним о чем-то важном для тебя.

– Мама все время так говорила. Представляешь, каждую Пасху: «Оставь фольгу! Оставь фольгу!»

– Твоя мама тот еще фрукт.

Он слегка сморщился и набрал чайник.

– Да уж, – отстраненно произнес Рори, – фрукт. Но знаешь, милый фрукт.

– Хотелось бы мне как-нибудь повидаться с ней.

– Можно сегодня, – выпалил он. – Если хочешь.

Она рассмеялась.

– Нет уж. Но спасибо за предложение.

Рори облегченно выдохнул. Он не хотел показывать Кайли матери как можно дольше. Но даже рядом с любимой девушкой он чувствовал, что сегодня должен был быть дома. Мэган не приехала на эту Пасху – она переезжала или что-то в этом роде, папа был на своих таинственных курсах писателей, так что дома были только мама и Бет, ну и соседка-маньячка. Мама настаивала, что Пасха должна оставаться Пасхой, днем веселья, шоколада и семейного единения. Она говорила: Риз не хотел всем испортить Пасху. Риз хотел бы, чтобы мы праздновали ее, как и всегда.

Рори понятия не имел, о чем Риз думал в тот день, но он ни на секунду не сомневался, что это точно были не мысли о том, во что для них превратится Пасха, когда его не станет. Гаденыш даже не оставил записки. Он думал, что какая-то подсказка может быть в песне *Alice in Chains*, которую брат оставил на повторе, но так и не смог ничего найти. Он

перестал искать причину того, почему его брат стал занозой, еще до его смерти.

– Ммм. – Кайли наполнила рот шоколадом и закатила глаза, будто в экстазе. – Ням-ням.

Глядя на Кайли, нельзя было подумать, что она сладкоежка. Она была одной из тех, кто периодически забывает есть, у кого на обед только тост и кто равнодушен к проблеме похудения.

– Хочешь? – Она протянула ему яйцо.

– Нет, спасибо, – ответил Рори. Ему казалось, что вряд ли он еще когда-нибудь сможет съесть пасхальное яйцо. Сам вкус шоколада погружал его в чертову бездну плохих ассоциаций.

– Сделаешь кое-что для меня? – дрожащим голосом спросил он.

– Сегодня?

Кайли прищурилась, глядя на Рори.

– Зависит от того, что именно ты хочешь.

– Ты сходишь со мной на его могилу?

– Твоего брата?

Он утвердительно кивнул.

– Хочешь, чтобы я сходила с тобой на могилу твоего брата в годовщину его смерти?

Он снова кивнул.

– Я понимаю, извини, я знаю, как странно это звучит, ты ведь никогда не видела его, это чересчур...

– Конечно, я схожу с тобой, – с легкостью ответила она. – Я почти это за честь.

Над кладбищем, усеянным розовато-белыми цветками вишни, сияло кобальтово-синее небо. Солнце согревало своими лучами все вокруг. На Кайли был черный жилет, рваные джинсы, солнечные очки, ее лицо было мрачноватым. Она держала Рори под руку, в другой ее руке был небольшой букет из цветов, собранных на окраине кладбища. Она как будто оказалась в своей стихии.

– словно вернулась назад, – вздохнула она, оглядываясь вокруг, пока они шли к тому месту, где прах Риза покоился вот уже четыре года. Она снова вздохнула, вынуждая Рори задать вопрос.

– Вернулась к чему?

– К смерти. К моей бабушке, к дедушке. К соседке, на которую обрушилась дымовая труба.

Она опять вздохнула, и Рори постарался отогнать от себя ее странное восприятие общего для них опыта. Рори считал, что она немного переигрывает со всей этой драматичностью и шрамами. Но это только усиливало его чувства к ней. Он сжал ее руку и произнес:

– Вот это место.

Перед ними стояла небольшая гранитная плита с надписью:

Риз Артур Берд

1 марта 1975 года – 31 марта 1991 года

Милый шестнадцатилетний мальчик навсегда

Лорелея выбрала слова для надгробия, ни с кем не посоветовавшись. Рори всегда это казалось очень глупым. Потому что ничего милого в Ризе не было. Он всегда был нытиком и занудой. Все эти его «это нечестно» и «это не я» или просто «отвали».

Они начали отдаляться друг от друга, как только перешли в среднюю школу. До этого они всегда учились в одном классе и были близки. Но когда попали в разные классы, честно говоря, Рори оказался с классными ребятами, а Риз с неудачниками, и Рори не очень хотелось пересекаться с ним в школе. Он чувствовал себя прекрасно. В его классе были самые симпатичные девочки и парни, с которыми он до сих пор дружил. В общем, он находился в своей тарелке. Впервые он отдалился от Риза и получил возможность взглянуть на него со стороны. А со стороны было видно, что его брат неудачник. Это, конечно, не означало, что он не любил его всем сердцем. И уж тем более глупо было отрицать, что он отчаянно скучал по своему братишке каждое мгновение, каждый день. Его близнец. Они делили утробу, затем кровать, а потом и комнату. За всю жизнь никто не был ему ближе. Но все же он был чудачком. А Рори нет.

Такова суровая правда.

– Так это и твой день рождения? Первое марта?

Он кивнул.

– Твой знак – Рыбы?

Он снова кивнул.

– Мой тоже, – сказала Кайли, наклонившись к могиле Риза. – Вы были похожи?

Он пожал плечами, тоже наклонившись к могиле.

– Были, когда были маленькими, но потом что-то изменилось.

– Я слышала о таких вещах, – сказала Кайли. – Правда, о девочках-близнецах.

Неразлучны, когда маленькие, худшие враги, когда взрослые. Грустно, правда?

– Не то слово.

– Да уж.

Они сидели рядом на краю газона. Было очень тепло. Рори вспомнил Пасху много лет назад, когда им было лет пять или шесть и было достаточно жарко, чтобы плескаться в бассейне и стрелять из водяных пистолетов. Казалось, это была последняя по-настоящему счастливая Пасха дома. Последняя Пасха, перед тем как Мэган стала такой взрослой и взбалмошной, когда не было дождя, когда Бен и Том были еще достаточно молоды, чтобы тоже приходить к ним на праздник, когда его родители еще любили друг друга, до того, как появилась эта соседка и перевернула все с ног на голову. И конечно, до того, как Риз испортил Пасху навсегда. Рори почувствовал внезапный прилив жуткого гнева и тяжело выдохнул.

– Итак, – сказала Кайли, сдвинув вместе свои острые колени. – А что же насчет остальных членов твоей семьи? Разве обычно вы не вместе приходите сюда?

Он вздохнул.

– Теперь у моей семьи нет ничего обычного. Риз попросту уничтожил все обычное.

Кайли понимающе кивнула. Рори тем не менее знал, что она никогда не переживала подобной трагедии и теперь находилась в смятении. Но она отлично сохраняла самообладание.

– Знаешь, когда умер мой дедушка, бабушка облачилась во все черное до конца жизни. Погрузилась в скорбь с головой. Вдова Догерти, вот как все ее называли. Она ходила на его могилу каждый день, все чистила, приносила свежие цветы. Создавалось такое впечатление,

будто это ее работа, даже ее профессия...

Она замолчала, и они оба посмотрели на неухоженную могилу.

– Получается, его день рождения был пару недель назад?

– Да, но мы всегда приходим в Прощеное воскресенье, для нас это памятная дата.

– Что ж, – многозначительно заявила Кайли, – в любом случае 31 числа его вряд ли кто-то навестит.

Она скрутила косячок и закурила, зажмурив глаза от первых клубов дыма. Она передала его Рори, встала и убрала увядшие цветы с могилы, заменив их свежими. Потом отряхнула землю с кончиков пальцев и вытерла их о свой жилет.

– У тебя есть бумажка? – спросила она, повернувшись к Рори.

– Эм, – он начал рыскать по карманам одежды – да, есть.

Это была бумажная салфетка из кафе. Он понятия не имел, откуда она взялась в кармане его джинсов. Кайли протирала изголовье надгробия до тех пор, пока оно не заблестело. После этого она снова села рядом с Рори на край газона и забрала у него косяк.

– Вот, – протянула она. – Так намного лучше.

Рори отвернулся, продолжая краем глаза смотреть на нее. Она зацепила его, зацепила с того момента, как только он увидел ее в пабе три дня назад, своей дерзкой, почти вульгарной красотой, но сейчас это было что-то другое. Она любила его. Он отчетливо понял это. Невероятное чувство тотчас охватило его. Он восторженно посмотрел на Кайли.

– Что? – спросила она.

– Ничего, – улыбнулся он.

– Нет, не ничего. Почему ты так смотришь на меня?

Он прикоснулся к ее волосам, потом его рука сползла ниже и легла на ее щеку.

– Просто я люблю тебя.

– Дурачок.

– А ты любишь меня.

Она приложила руку к горлу, изобразив испуг.

– Какой кошмар! – взвизгнула она.

– Но это правда.

Она убрала руку от горла и расслабила плечи, а потом провела рукой по его щеке.

– Я твоя.

Он улыбнулся и притянул ее к себе, прильнув губами к ее губам.

– Навсегда, – сказал он. – Навсегда.

Он привел ее к себе домой на следующей неделе. Этого момента он одновременно и ждал, и боялся. Ждал момента, когда две важнейшие части его жизни сойдутся воедино, и боялся того, какие последствия это может повлечь. Он не хотел знать, как воспринимал Кайли тот, кто не был влюблен в нее по уши. И он не хотел знать, какой предстанет его семья и их своеобразный дом тому, кто вырос вне его и не видел, как он стал таким. Он уже чувствовал, как оправдания начинали невольно созревать в его голове: знаю, она выглядит жесткой, но в душе она агнец, честное слово. Знаю, моя мама кажется слегка рассеянной и подавленной, но она все равно любит нас всей душой. Знаю, наш дом напоминает свалку, но внутри у нас довольно чисто. Это был последний день школьных каникул, и Вики была здесь со своими малышами. Как всегда. Они встретили ее в коридоре, густые светлые волосы, шероховатые щеки, широкие бедра, обтянутые узкими джинсами, и большая грудь в слишком облегающей футболке.

– Рори! Здравствуй, бродяга. Мы соскучились.

Она расцеловала его в обе щеки, обдав запахом духов.

Она украдкой осмотрела Кайли, которая стояла, засунув руки в карманы джинсовой куртки и перебирала тоненькими ножками, торчащими из-под мини-юбки того же фасона. Она жевала жвачку и выглядела так, словно он только что подобрал ее на углу улицы.

– А ты, должно быть, Кайли! – воскликнула она. – Здравствуй! Меня зовут Вики. Проходи, мы все сидим на кухне. Там небольшой бардак, мы печем банановый торт.

Рори и Кайли переглянулись и последовали за ней на кухню. Он уже предупредил ее насчет вездесущей Вики.

– Привет, мам.

Он поцеловал мать в щеку, и она радостно улыбнулась.

– Здравствуй, сынок, – сказала она, беря его за руку и глядя ему в глаза.

– А это... – сказала она, – должно быть...

Она забыла ее имя. Либо от злости, либо от глубокого равнодушия.

– Кайли, – сказал он, взяв за руку свою девушку и выведя ее вперед. – Это Кайли. Кайли, это моя мама Лорелея.

– Зови меня Лорри! Все зовут меня просто Лорри.

Это была не совсем правда. Вики звала ее Лорри. Все остальные звали ее мамой. Или Лорелейей.

– Очень приятно, – сказала Кайли, все еще держа руки глубоко в карманах куртки.

Рори наблюдал за лицом матери, пока она осматривала его возлюбленную. Поначалу оно было удивленным, потом стало веселым.

– Хорошенькая, – сказала она и пошла помогать одной из дочерей Вики резать тупым ножом бананы.

Рори побледнел. Мать была раздражена. Едва уловимо, но все же раздражена. Он молил бога, чтобы Кайли этого не заметила.

– Ого! – сказала Кайли. – Только взгляните! Вот это да!

Она стояла посередине комнаты, разглядывая рисунки, висевшие на стенах.

– Твоя работа? – спросила она Рори.

Он рассмеялся.

– Не только моя. Всех нас, четверых.

– Смотри-ка!

Она шагнула вперед, чтобы рассмотреть робота, собранного из кусочков фольги и канцелярских кнопок. Под рисунком было написано слово на вымышленном языке, а сверху подпись: Рори Берд.

– Смотри-ка, что ты соорудил, мой милашка!

Она потянула его к себе и прильнула к нему.

– Я не знала, что ты был художником.

Он улыбнулся, а Лорелея обернулась и сказала:

– Они все прирожденные художники. Все мои дети.

Рори увидел, как она смотрит на Кайли, стоящую рядом с ним, и заметил, как что-то нехорошее промелькнуло в ее глазах.

– Тебе принести чего-нибудь попить, Кайли? – сказала Вики, заполняя неловкую паузу.

– Если можно, – ответила Кайли, – я бы не отказалась от стаканчика сока.

– Боюсь, у нас есть только «Рибена»^[13], – с сожалением ответила Вики.

– Мне нравится «Рибена», – щелкнув жвачкой, сказала Кайли.

Вики тут же налила ей стакан.

– Итак, – начала она, передавая ей сок. – Ты ирландка?

– Как вы угадали?

Улыбка Вики запоздала на секунду, пока она осознавала шутку. Потом она усмехнулась.

– Откуда ты? – продолжала Вики.

– Графство Клэр. – Кайли достала жвачку изо рта и выбросила в мусорное ведро. – Я здесь меньше месяца. Если честно, еще не совсем привыкла.

– О, – произнесла Вики, – пожалуй, прошло еще слишком мало времени. А что привело тебя в наши края?

Кайли выпила половину стакана и вытерла рот.

– Слишком много врагов, – ответила она, – там, на родине. Меня все ненавидели. Решила начать все сначала.

Вики неуверенно посмотрела на нее, очевидно, не зная, как продолжить разговор. Она снова рассмеялась, и ее взгляд стал пустым и безразличным.

– А что насчет вас, какая у вас история?

Лицо Вики смягчалось по мере того, как разговор принимал обычное русло.

– Ну, обычное дело: я выросла в деревне, потом переехала в город, там влюбилась, появились дети, и я решила, что они должны расти тоже в деревне.

Взгляд Кайли поблек. Ей эта история явно не показалась обычной.

– Рори сказал, что вы тут почти что живете.

Рори вздрогнул и бросил на Кайли укоризненный взгляд.

Вики засмеялась.

– Я бы так не сказала. Всего лишь нашла в этом доме себе подругу.

– А что не так у вас дома?

Рори схватился за голову. Он предвидел подобное развитие событий, но не ожидал, что это произойдет так внезапно.

– У меня дома все хорошо. Просто когда у тебя маленькие дети, совсем неплохо почаще выбираться из дома. Так и с ума можно сойти, если целыми днями сидеть взаперти. К тому же я уверена, ну, по крайней мере, думаю, что Лорри нравится наше общество. Правда, Лорри?

Лорелея оторвалась от миски с тестом, месить которое она помогала одному из детей, и вопросительно взглянула на Вики.

– Я говорила Кайли, что мне кажется, что тебе нравится наше общество, ну, мое и малышей.

– О да, – проговорила Лорелея, поглаживая одного из детей по голове. – Конечно, мне нравится. Не знаю, что бы я без вас делала. Наверное, пропала бы.

– А, это просто замечательно, – сказала Кайли. Ее лицо говорило многим больше, но, кроме Рори, на нее никто не смотрел.

– Кстати, – Кайли нахмурила брови, словно пытаясь что-то вспомнить, – мы с Рори ходили проведать Риза на Пасху. Ну, на кладбище.

Плечо Лорелеи слегка вздрогнуло, но она не обернулась.

– Это хорошо, – весело сказала Вики.

– Да, – продолжала Кайли, – мы немного прибрались там, помолились, оставили свежие цветы. Могила была слегка запущена, как будто там долго никого не было...

– Что ж, – сказала Вики изменившимся тоном, уже не веселым, а немного мрачным и подавленным, – это тяжело для Лорри. Это тяжело для всех нас.

Она натянуто улыбнулась.

– Да, – сказала Кайли, изображая сочувствие, – уверена, что так и есть. Кстати говоря, – задорно начала она, меняя тему разговора, – у вас замечательный дом. Он очень похож на мой, кроме разве что, – она усмехнулась от того, что хотела сказать в продолжение, – моя мама ни минуты не могла усидеть на месте, дом был похож на музей – ни пылинки вокруг. И все было убрано, кружки она прятала раньше, чем ты успеваешь сделать последний глоток.

Она снисходительно улыбнулась и снова оглядела комнату.

– А здесь совсем наоборот. У вас тут куча вещей, Лорри.

– Да, – снова встряла Вики, – Лорри любит покупки.

– Ого, – сказала Кайли. – Никогда не видела столько тарелок в одном доме.

Рори посмотрел на полки, висевшие на стенах кухни. Он машинально принялся считать тарелки, насчитав не менее ста. Потом он посмотрел на миски: огромный выбор на любой вкус, разноцветные, пластиковые, глиняные, все по-своему красивые, но теперь он четко видел, что их было слишком много. Помимо этого на полках громоздились еще разноцветные тумблеры и стаканы, а еще кувшины, вазы, горшки, консервы и приправы. Внезапно Рори осознал, что у них было по десять приборов с солью и перцем. Возможно, в недрах ящиков их было еще больше.

– Могу я посмотреть ваш дом?

Вики взглянула на Лорелею, которая, похоже, попросту игнорировала Кайли или же вовсе забыла о ней, и сказала:

– Разумеется можно, правда, Лорри?

– Что-что?

– Кайли хочет получше осмотреть дом.

Лорелея улыбнулась, обнажив пожелтевшие зубы, и сказала:

– Конечно! Прошу прощения за весь этот беспорядок!

На ее щеке застыли несколько капель теста, что делало ее слегка похожей на сумасшедшую.

– Господи, – сказала Кайли, следуя за Рори по коридору, – какой же здесь бардак. Как вы тут вообще живете?

Рори огляделся и вздохнул. Розовые очки, сквозь которые он смотрел на все это, дали трещину, как он и ожидал.

– Со временем привыкаешь, – сказал он, переступая через кучу мусорных пакетов, лежавших в начале лестницы уже около двух лет.

– Конечно, здесь все по-своему мило, – продолжала Кайли, также переступая через мешки и опираясь о руку Рори. – Но все же несколько странно: не находишь?

– Мама, – начал он, пытаясь придумать, куда бы отвести Кайли, – она всегда была очень сентиментальной. Она боится избавляться от вещей, считая, что все они хранят память.

– Гм, – промычала Кайли, слегка отстав от него, – и все же...

Она остановилась и задумалась.

– И все же что?

– И все же она не навестила могилу своего сына в годовщину его смерти.

Эти слова камнем повисли в воздухе. Они оба обратили свой взгляд на окно, сквозь которое виднелся сад.

– Красиво, – произнесла Кайли, протерев стекло рукой и снова посмотрев сквозь него. –

Очень красиво.

Рори показал ей свою комнату, комнату родителей, комнату Бет, комнату Мэган, ныне превратившуюся в склад книг и газет. А потом она спросила:

– Ты покажешь мне его комнату? Комнату Риза?

Рори вздрогнул. Он никогда не заходил в комнату брата.

– Конечно, если хочешь, – сказал он, пожав плечами.

Он встал на пороге, глядя, как Кайли заходит внутрь.

– Ты идешь?

Он кивнул в ответ на ее нежный взгляд.

– Давай, это же просто комната, – подбодрила его она.

Он снова кивнул и слегка улыбнулся. Кайли остановилась посередине комнаты и огляделась по сторонам.

– Так это здесь все и произошло?

Рори сдавленно улыбнулся. Никто раньше не говорил с ним об этом.

– Боже, – произнесла она, глядя на потолочные балки, – какая жуть. Он оставил записку?

– Нет, никаких подсказок. Чертов эгоист.

– Да, это и правда очень эгоистично.

Рори облегченно улыбнулся. Он впервые произнес эти слова вслух, и человек, с которым он говорил, согласился с ним.

– Знаешь, в этом нет смысла, – продолжала она, – пытаться понять и разгадать произошедшее. Человека уже не вернуть.

– Да, – согласился Рори, – ты абсолютно права.

Он вздохнул. Все эти четыре года он силился понять, что именно произошло здесь, в этой самой комнате, когда им обоим было шестнадцать, но ответ ускользал от него.

– А кто нашел его? Ты?

– Нет, Мэг.

– Ааа, та самая Мэг. Сколько ей было, когда это случилось?

– Двадцать.

– Какой ужас.

Она вышла из комнаты вслед за Рори.

– Хорошо, что именно она. Она всегда была самой здравомыслящей в нашей семье. Любой другой из нас, скорее всего, с катушек слетел бы от увиденного. Но Мэг держалась молодцом.

Кайли приподняла бровь.

– Что ж, не она одна держалась молодцом.

Он вопросительно взглянул на нее, мгновенно поняв, кого она имела в виду. Маму. Он открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь в ее оправдание, но внезапно понял, что возразить ему нечего. Нужно было очутиться в шкуре его матери, чтобы понять ее. Но даже в этом случае понять ее было очень тяжело.

– Может, и так, – он приобнял Кайли за плечо. – Посмотрим сад?

Они занимались сексом в дальнем конце сада. В этом не было ничего удивительного, учитывая длину юбки Кайли. Со стороны соседнего поля приблизилась пасущаяся овца, как будто наблюдавшая за ними. Кайли рассмеялась и крикнула:

– Хочешь присоединиться, овечка?

Они оба рассмеялись, и Рори подумал, что нет ничего такого в том, чтобы смеяться во время секса, хотя ему всегда казалось, что это серьезное занятие. Они вместе лежали в гамаке, переплетаясь друг с другом ногами и по очереди затягиваясь косячком. Около дома слышались крики детей Вики, Рори чувствовал горечь дыма во рту, нечто липкое в штанах и, конечно, любовь к той, что лежала рядом с ним. Он улыбнулся. Его детство прошло.

Кайли вошла в его дом всего полтора часа назад, и уже разорвались все его связи с прошлым.

– Нам нужно уехать, – неожиданно произнес он.

– Куда же? – Кайли рассмеялась.

– Я не знаю, – сказал он, затаив дыхание. – Я никогда нигде не был. У меня даже нет загранпаспорта.

Она удивленно посмотрела на него, слегка ухмыльнувшись.

– Ты шутишь?

Он покачал головой.

– Ни у кого в нашей семье его нет.

– Но это... – Она замолчала, пытаясь подобрать нужное слово. – Это же ужасно.

Он пожал плечами, а потом рассмеялся.

– Однажды мы почти съездили в Грецию.

– Почти! Боже мой! – Она закатила глаза.

– Я хочу получить загранпаспорт, – начал он, привставая с гамака, чтобы обнять ее. – Чтобы съездить куда-нибудь с тобой.

Она улыбнулась.

– Это отличная идея, только вот у нас обоих ни гроша в кармане.

– Я могу достать деньги.

Она подозрительно взглянула на него.

– Где?

– Не знаю, – сказал он. – Продам что-нибудь. Попрошу отца дать немного взаймы. Устроюсь на работу, нет, на две работы. Я не шучу. Я хочу съездить куда-нибудь, всем сердцем хочу.

Сказав это, он внезапно разрыдался. Он плакал, думая о своем несчастном брате, о безумной матери, отдалившемся отце, любимых сестрах, которых он не видел уже давно. И еще он думал о себе, точнее о том, сколько времени он был словно в тупике.

Кайли взяла его за руку и, поцеловав в лоб, сказала, что все будет хорошо. И он верил ей.

Неделю спустя Лорелея, подбоченившись, стояла посреди бывшей комнаты Мэг, переводя взгляд с одной стороны на другую.

– Черт возьми, – сказала она, – сейчас. Что ж... это сложно.

Рори издал легкий стон отчаяния. Перед ним стояла женщина с десятью перечницами и солонками в руках, та, которая хранила все рисунки и аппликации, сделанные четверьмя ее детьми в течение пятнадцати, а то и более лет, никогда не выбрасывавшая ничего яркого или блестящего, женщина, за долгие годы накопившая целый арсенал средств для уборки. И вот эта самая женщина не могла найти самое обычное свидетельство о рождении своего сына.

– Но, мама, я не понимаю, как можно было потерять свидетельство о рождении?

– Я не потеряла его, дорогой, я просто еще не нашла! Пожалуйста, дай мне несколько минут.

Теперь Лорелея называла старую комнату Мэг своим «офисом». На деле же это была комната-свалка. Куча книг, подобранных на сборе макулатуры, большинство в обложке, которые Лорелея так и не удосужилась прочесть (она не могла долго сидеть неподвижно, чтобы читать), различные карты, папки и груды всевозможных документов без каких-либо опознавательных признаков. От всего этого хаоса у Рори слегка закружилась голова. Кровать Мэг ныне была полностью погребена под различными мешками, в первую очередь с одеждой, якобы собранной для того, чтобы отнести нуждающимся. Старый туалетный столик Мэг, бывший когда-то предметом ее гордости, белый с зеркалом трельяж с позолоченной окантовкой (Рори помнил, что это был подарок на день рождения или поощрение за успехи в учебе), теперь использовала Лорелея в качестве своего рабочего стола. Его также постигла участь кровати: бесконечные горы документов, чучела животных, глобусы, папье-маше и небольшая кучка сдувшихся воздушных шариков, обвязанных нейлоновой лентой. Пару лет назад Лорелея приобрела два шкафчика для документов, чтобы хоть как-то упорядочить бумаги, однако, что было неудивительно, никакого порядка по-прежнему не наблюдалось.

– Как здесь вообще можно что-нибудь найти? Здесь повсюду хаос.

– О, я знаю. – Лорелея провела своей тонкой рукой по волосам и вздохнула. – Я собираюсь тут разобраться. Вики говорила, что поможет мне.

– Когда же?

– О, сложно сказать. Обычно мы обе так заняты другими делами.

– Не смейся, мам, всегда можно найти несколько минут на это. Ты же не работаешь, все твои дети уже выросли.

– Да, но у Вики есть малыши. С ними порой так хлопотно.

– Но они не твои, это дети Вики. Просто попроси ее пару дней не приходить к тебе, чтобы за это время ты смогла навести здесь порядок. Я мог бы помочь тебе... Вот от этой кучи старых журналов можно избавиться прямо сейчас, так ведь?

– Конечно, только нужно убедиться, что между ними нет ничего важного.

– Например, наших свидетельств о рождении?

– Совершенно верно, дорогой. – Ее голос звучал почти с облегчением. – Видишь, почему я не могу все это выбросить?

Рори кивнул. Он видел много проблем.

– Ну не можем же мы просто стоять и смотреть на все это?

Мать виновато улыбнулась.

– Давай лучше подождем, когда вернется папа.

Рори застонал.

– Нет, мам, – сказал он, – мне нужно найти его сейчас, чтобы подать заявление на получение загранпаспорта. Мы уже заказали билеты. Мы хотим уехать через два месяца.

– Уехать? – растерянно произнесла Лорелея.

– В Испанию. Я говорил тебе. Мы с Кайли хотим съездить в Испанию.

– Ах да, конечно. – Она неодобрительно покачала головой.

– Что такое?

– О, – она почесала затылок. – Я просто не понимаю. Я не понимаю зачем. – Она снова покачала головой и слегка усмехнулась. – Можно подумать, что там есть что-то такое, чего нет у нас.

– Все куда-то ездят. Это совершенно нормально.

– О, я знаю, что это совершенно нормально. Просто, зачем куда-то ехать, когда у тебя есть дом и люди, которые тебя любят? А все эти упаковки и распаковки, сон в чужой кровати, незнакомые лица повсюду...

Она вздрогнула. Потом, оглядев комнату, произнесла:

– Ладно, дорогой, попробуй найти что-то здесь, но, честно говоря, я бы на твоём месте все-таки дождалась папу. Просто он более организован, чем я, и наверняка знает, где лежат все ваши свидетельства. Вообще, они могут быть даже не в этой комнате, они могут быть где угодно. А сейчас мне нужно вернуться и помочь Вики с малышами. Мы с ними делаем ожерелья из макарон.

Все её естество стремилось поскорее покинуть эту комнату. Рори хотел было уйти вместе с ней, но внезапно почувствовал непреодолимое желание задать матери вопрос, который он хотел задать ей уже очень много раз в своей жизни.

– Почему ты так не любишь говорить о прошлом?

– Что?

– Да-да, ты никогда не говоришь о прошлом или будущем.

– Просто я всегда жила и живу сегодняшним днем, разве ты не знал? В этом и секрет моего счастья.

– Да, но... – Он сделал паузу. – Но ты не счастлива.

– Не счастлива? – Она моргнула своими большими совиными глазами.

– Ни капли.

– Дорогой, что такое ты говоришь? Я счастлива как никогда.

– Но как ты можешь быть счастливой? – с гневом в голосе спросил Рори. – Как?

– Благодаря всему, что у меня есть.

– Но как же Риз...

Лорелея замерла с улыбкой на лице.

– Он был твоим сыном. Твоим самым особенным ребенком. Ты не плакала на его похоронах, ты не навещаешь его могилу, у тебя нет даже его фотографий. Словно... Словно его не было в твоей жизни.

Она прищурилась на него и вдруг рявкнула:

– Это все она, так ведь? Это все та девушка.

– Кайли?

– Да. С ней ты стал совсем другим.

– Может быть. Но это к лучшему.

– Она сделала тебя жестким, как она сама.

– Она вовсе не жесткая.

– О, мой дорогой, милый мальчик, конечно, она жесткая.

– Ты решила так из-за ее одежды?

– Ну отчасти да, но ее аура... От нее веет негативом. Вики тоже это заметила.

– Вики, Вики, опять эта чертова Вики. – Рори практически прорычал эти слова.

– Милый, что ты говоришь? Я считала, что мы с тобой разговариваем как цивилизованные люди. Думаю, что и манеру разговора ты перенял от нее.

– Нет. Я всегда ругался, только не при тебе, потому что уважал тебя.

– А сейчас?

Он пожал плечами.

– Я не могу уважать того, кто не уважает память своего мертвого ребенка.

После этих слов Лорелея посмотрела на Рори таким взглядом, от которого у него мурашки побежали по коже, и сказала:

– Никогда больше не смей так разговаривать со мной.

На мгновение он подумал, что она хочет его ударить. Но она не ударила. Вместо этого она оттолкнула его от двери и вышла из комнаты.

Отец Рори нашел свидетельство о рождении через два дня. Оно было в сумке с одноразовыми флуоресцентными палочками, которые Лорелея купила аж в 1989 году.

– О! – воскликнула она, когда муж вручил ей эти палочки. – А я все думала, куда они подевались. Малышам они понравятся.

Все четыре свидетельства о рождении были сложены вместе в бледно-голубой папке с пометкой «Детишки». В папке, помимо свидетельств, имелись еще некоторые документы: справки о первых днях жизни Риза, заметки о прививках и четыре маленьких пластиковых браслетика с надписью «птенчик», которые Рори нашел довольно милыми.

Отец предложил встретиться с ним в пабе. До этого Рори никогда не бывал в пабе с отцом. Ему и в голову не приходило, что такое вообще возможно.

– Ну, – протянул Колин, отдавая ему свидетельство, – я очень рад, что вы решились на это. На самом деле, тебе давно пора куда-нибудь съездить. Мне кажется, что в последние годы мы все были как будто в оцепенении. И мама никогда бы не разрешила мне отвезти вас за границу, пока вы были маленькими.

– Помнишь Грецию? – сказал Рори, поднимая свою пинту.

Отец сухо засмеялся и закатил глаза.

– Как я мог забыть? Мне потребовалось несколько лет, чтобы набраться смелости и предложить съездить куда-нибудь. А потом эти чертовы грабители...

– Мама ненавидит ее, – вдруг вставил Рори.

– Кого? Кайли?

Рори кивнул.

– О, я сомневаюсь в этом. – Колин покачал головой. – Ты преувеличиваешь. Ей просто не нравится, что ты начинаешь расправлять крылья и покидаешь ее уютный мир. Потому ей кажется, что легче всего обвинить во всем Кайли.

Рори снова кивнул. Вероятно, отец был прав.

– Она тебе нравится? – спросил его отец.

– Мы едва знакомы.

– Но все-таки кое-что ты о ней знаешь? – Колин прищурился и снял очки. – Я думаю, – продолжил он, рубашкой протирая линзы очков, – что она – именно то, что тебе сейчас нужно. Но, может...

– Может, что?

– Может, не совсем то, что тебе нужно до конца жизни?

– Почему нет?

– Потому что она королева драмы. С такими бывает трудно. Они не хотят спокойной жизни. Ты будешь вынужден выполнять все ее капризы.

У Рори перехватило дыхание. Было что-то захватывающее в том, чтобы беспрекословно потакать Кайли. По крайней мере, это звучало лучше, нежели всю жизнь жевать сопли.

– А какой была мама, когда вы познакомились?

Колин снял очки, поднял свой бокал вина и улыбнулся.

– Потрясающей, – сказал он. – Всегда веселой. Гламурной. Она выглядела словно модель. Сотни друзей. Постоянно в движении: танцы, прогулки. Она была похожа на... на лето.

Рори замер. Лицо отца сияло. Он никогда не видел Колина таким.

– А потом, – Колин продолжал, – дети, дети, знаешь, от всего этого быта устаешь.

– Она до сих пор думает, что вы счастливы.

– Я знаю.

– Несмотря на то, Риз умер.

Его отец вздохнул.

– Я знаю.

– И как нам с этим быть?

Колин с любопытством посмотрел на сына.

– Понятия не имею. Как, черт возьми, можно помочь тому, кто считает себя счастливым? – Он надул щеки и снова вздохнул. – Честно говоря, – он сделал паузу, а затем посмотрел Рори прямо в глаза, – должен признать, что я сдался.

Он отвел взгляд, но Рори успел заметить в его глазах неприкрытое сожаление.

Через два месяца Колин провожал Рори с Кайли в аэропорту. Лорелея сказала, что она слишком занята, чтобы прийти. Рори не хотелось знать, чем именно она так занята. Во время их последней встречи она крепко обняла его и сказала, что любит его, пожелала, чтобы он отлично провел время, что она будет очень по нему скучать и что ей не терпится послушать его рассказы о поездке, когда он вернется домой. Прощание матери с сыном. Любой обыватель нашел бы эту сцену очень милой. Но Рори чувствовал, что она как будто хочет, чтобы он поскорее ушел. Скорее, говорил язык ее тела, скорее уходи.

Кайли и Колин сидели на переднем сиденье и болтали об Андалусии, Кайли листала свой путеводитель, периодически зачитывая вслух какие-то строчки. Ее светлые волосы были пострижены слишком коротко, так, что она походила на красивого маленького мальчика. Глядя на нее сзади, он понял, что нынешний ее облик напоминает ему Риза. Он перевел взгляд к окну, любуясь пейзажами сельской местности. Стоял разгар лета. Все было ярким и зеленым, там и сям желтели широкие полосы посевных полей. Все было так ему знакомо: кирпичные дома, таблички с названиями сел Глостершира, легкий запах болота, ощущение добротного асфальта под колесами. Все это он знал с детства.

– О, кстати, – повернулся к нему, – не забудь поздравить маму с днем рождения, хорошо? И Бет тоже, если ты еще помнишь.

– Черт, когда он у нее?

– Девятнадцатого июля. Ей исполнится двадцать три.

– Бедная Бетти, – вздохнул Рори.

– Почему это бедная? – спросила Кайли.

– Да так, ничего, – сказал он. – Просто жалко ее. Она как будто застряла в этом доме. И теперь ей будет уже двадцать три, а она все так же привязана к нему.

– Мне тоже будет двадцать три в следующем году, – сказала Кайли. – Но я не живу дома с шестнадцати лет.

– Помните, что у Мэг скоро роды. Не забудьте ей позвонить.

– Не уверена, что у нас под рукой будет телефон, – отрезала Кайли.

– Думаю, вы что-нибудь придумаете.

Они собирались остановиться у парня по имени Кен, с которым Кайли лишилась

девственности, когда ей было семнадцать лет, а ему сорок девять. Она познакомилась с ним на фестивале в Лимерике и все еще общалась с ним. Теперь они стали друзьями и переписывались. В настоящий момент он жил в Андалусии в какой-то общине с тремя женщинами, козами, ослами и полудюжиной детей. Это и пугало, и ужасало одновременно. Но он был готов предоставить им бесплатный кров со всеми условиями в обмен на некоторую помощь в хозяйстве и по уходу за детьми. Учитывая тот факт, что в кармане у Рори было всего двести фунтов, он не мог отказаться от подобного предложения.

– Ты все еще влюблена в него? – спросил он Кайли.

Кайли бросила на него испепеляющий взгляд:

– Рори Берд, ты что, с ума сошел? Думаешь, я поехала бы с тобой к своему любовнику? За кого ты меня принимаешь? Я одобряю многие вещи, но многоженство явно не из их числа.

Эти слова успокоили Рори.

– В любом случае, – снова подал голос Колин, – обязательно найдите время, чтобы позвонить Мэг. Она расстроится, если ты не поздравишь ее, Рори.

– Положитесь на меня, Колин, – отозвалась Кайли, слегка проведя по его руке. – Я обещаю, что прослежу, чтобы ваш сын сделал все, как нужно.

Колин улыбнулся ей и произнес:

– Хорошая девочка.

Рори все еще повсюду мерещился Риз. Он едва мог вспомнить его в подростковом возрасте, но он отчетливо помнил его в девять лет, мчащегося с холма на своем велосипеде. Он помнил его шестилетним, когда они вдвоем бежали сквозь лес в поисках дикого кабана, которого якобы видел кто-то из школы. Он помнил, как они стояли около магазина, ожидая маму и девочек, которые вскоре вышли оттуда с мешками, забитыми всякой ерундой. И еще он вспомнил, как Риз сидел на своем любимом месте в машине в багажнике хетчбэка с собакой на коленях. А теперь он, Рори, ехал за границу, где Риз никогда не был. Он спрашивал себя, будут ли призраки прошлого преследовать его? Если нет, то ему будет их не хватать.

Комната Риза была такой же, как и много лет назад. От этой пустоты у Мэг перехватило дыхание.

– Боже мой, – пробормотала она, – она сохранила ее такой, как раньше, когда Риз жил здесь.

– Так странно, – прошептала Молли.

– Действительно. Как ей это удалось? Все другие комнаты она заполнила вещами, но эту не трогала вовсе.

Старые половые доски скрипели под ногами. Кровать Риза стояла в дальнем углу комнаты, шкаф был абсолютно пуст, на столе лежало всего несколько вещей: энциклопедия, цветочный горшок, парочка папок и несколько дезодорантов еще девяностых годов выпуска. Еще там стоял огромного размера магнитофон для дисков и кассет, явно ничего не слышавший о MP3-плеерах или Айтюнс. Все стены были завешаны плакатами музыкальных групп. *Pearl Jam. Nirvana. N.W. Alice in Chains. Кортни Лав.*

– Словно музей девяностых, – сказала Молли.

Мэг кивнула и улыбнулась. Все было нетронутым. Лишь белье на кровати было другим. Все остальное было именно так, как в тот день, когда она принесла ему поднос с едой. Мэг провела рукой по внутренней стороне двери и нащупала замок, висевший на двери с тех пор, как они выломали его в тот день.

– Он висел там?

Молли кивнула в сторону потолка.

– Да, – сказала Мэг.

– На веревке?

– Да. Она была чертовски длинной.

– Откуда он ее взял?

– Что?

– Веревку. Откуда у него была такая длинная веревка?

– Боже, я понятия не имею.

– Купил в сельском магазине или где-то еще?

Мэг бросила на дочь негодующий взгляд.

– Как же он дотянулся? – Молли снова кивнула на потолок, намекая на его высоту.

– Он стоял на этом самом стуле. – Мэг показала на стул в углу комнаты. У нее перед глазами ожила страшная картина. Молли прошла по комнате, положила руку на стул и сказала:

– Он был практически мой ровесник.

Ее рука скользнула по спинке стула, и она повернулась к матери.

– Разве это не безумие? Он был того же возраста, что и я. Каким он был? Он бы мне понравился?

Мэг печально улыбнулась.

– Нет, – сказала она. – Я в этом сомневаюсь. Тебе бы он показался неудачником, и ты смотрела бы на него с жалостью. Хотя, возможно, в школе ты бы даже не замечала его.

На секунду лицо Молли стало скорбным, потом смягчилось.

– Это так грустно.

– Я знаю. Помню, когда Элфи перешел в среднюю школу, я так боялась за него.

– А за меня?

– Нет, что ты, ты всегда была веселой девочкой. Но Элфи... Иногда он напоминает мне

Риза. Тихоня, практически нет друзей.

– Зря ты переживала, он был молодцом.

– Да, он отлично справился со всем этим.

Мэг улыбнулась.

– Самый хороший мальчик в школе.

Молли покраснела. Мэг удивленно посмотрела на нее.

– В самом деле? Ты так думаешь?

– Ну да. Он симпатичный и умный.

Мэг улыбнулась.

– Замечательно, – сказала она. – Я рада, что ты так думаешь.

Слова Молли были ей приятны, они как будто подтверждали, что она была хорошей матерью. Но потом ее гордость улетучилась: она подумала, что если бы у Риза была такая старшая сестра, как Молли, он бы не сделал того, что сделал.

Ее телефон снова зазвонил, и она вздрогнула. Это мог быть кто угодно. Ее мать умерла, и многие хотели выразить ей соболезнование.

Она выдохнула:

– Привет.

– Мэг, пожалуйста, это я. Пожалуйста, не бросай трубку.

Как только Мэг услышала голос своей сестры, ее пульс участился, и она тут же нажала на кнопку отбоя.

Бет рухнула на диван и лежала там без движения.

– Ты справляешься, – сказала Мэг, засовывая какие-то деревяшки в мешок.

– Я в этом не уверена, – ответила Бет. – Я понятия не имею, как ты это делаешь. В твоём-то положении.

Она указала на живот, сильно выступавший из-под футболки Мэг.

– Ну, – сказала Мэг, с некоторым усилием выпрямившись, – выбора у меня особо нет.

– Сядь, ради бога, – попросила Бет, погладив лежавшую рядом с ней подушку.

– Пока не могу. Нужно еще закончить уборку и погладить рубашки. Вот, – она кинула на кровать рядом с Бет пульт от телевизора. – Наслаждайся.

Бет посмотрела вслед Мэг. Сейчас она не могла видеть ее живот, но по походке было очевидно, что внеочередная беременность протекает нелегко. Бет приехала, чтобы помочь сестре с Молли. Все сроки уже прошли, ребенок все никак не появлялся на свет, и Бет беспокоилась, что Мэг не сможет приехать домой на Пасху. Рори и Кайли все еще находились в Испании. Их месячный отпуск слегка затянулся, они жили в общине у парня по имени Кен уже почти два года.

Ребенок должен был родиться как раз к Пасхе, поэтому Мэг и Билл точно не смогут приехать домой, папа должен был поехать в командировку. Опять. Так что вся ответственность легла на плечи Бет. Она пообещала маме, что приедет, и не собиралась ее подводить. Старая добрая Бет.

Она услышала, что в замке повернулся ключ и слегка напряглась. Потом поправила волосы и откашлялась, скрестив ноги и через секунду выпрямив их.

– Привет, – поздоровалась она, когда Билл вошел в комнату. Его волосы были растрепаны, он был в модных штанах, и на его лице сияла мягкая улыбка.

– Привет! – ответил он, опуская пакет с продуктами на обеденный стол и начав перебирать стопку писем. – А где Мэг?

– Развешивает белье и гладит.

Билл поморщился.

– Она сумасшедшая, – сказал он. – Как она вообще может гладить в таком состоянии?

– Это же Мэг. Ни минуты не может усидеть на месте.

– Ну да, – рассеянно произнес он, скользя пальцем по краям конверта, – но иногда я просто поражаюсь ее энергии. – Он поднял голову и огляделся.

– Молли легла спать?

Бет кивнула.

– Ооо. – Он был слегка разочарован. – Кажется, сейчас позже, чем я думал. Просто хотелось взглянуть на нее.

– Нет! – донесся из кухни голос Мэг. – Ты ее разбудишь!

Он снисходительно улыбнулся.

– Не переживай, дорогая, не разбужу.

– В таком случае, – ответила Мэг, – если разбудишь, укладывать ее будешь сам.

– Договорились, – сказал Билл, улыбнувшись Бет. Потом он положил письма на стол и вышел в коридор.

Бет позволила себе расслабиться. Это было ужасно. Она влюбилась в мужчину ее

сестры. Он появился словно из ниоткуда. В течение двух лет он был просто «Билл». Просто парень, живший с ее старшей сестрой. Любезный, длинноволосый парень с легкой улыбкой и мерцающими глазами. Она была уверена, что он тоже симпатизировал ей. Она жалела, что у нее не было с собой ни одного красивого наряда. Если бы она сразу поняла, что он ей нравится, она бы надела что-то более подходящее, нежели пижама. Но нет, инициатива исходила не от нее. От него. Он смотрел на нее таким взглядом... Между ними будто искра пролетела. Он и Бет против Мэг. Кажется, все было именно так. Несмотря на все это, Бет прекрасно понимала, что он обожает Мэг. Он любил их обеих, Мэг и Молли, любил их прекрасный уютный дом. Однако Бет была уверена, что и к ней он испытывал влечение, пусть только сексуальное.

Следующим утром, едва только взошло солнце, Мэган уже работала на полную катушку. Они с Биллом оставили ее дома с еще спавшей Молли и дали ей специальные указания, что нужно сделать с девочкой к приходу няни.

Бет впервые осталась дома одна. Она спустилась завтракать в своей дурацкой пижаме и смотрела, как часы тикали, попивая чашку горячего чая. Дом наполняла тишина. Она подумала, что надо бы позвонить домой маме и узнать, как у нее дела, но потом, представив весь путь, который придется проделать Лорелее из глубин ее кровати до телефона около лестницы, отбросила эту мысль, поскольку знала, что матери едва ли будет интересно знать что-то, что произойдет позже чем через два дня, и она пожалеет, что проснулась. Поэтому она решила подождать девяти часов, может, что-нибудь да произойдет, в зависимости от того, кто вернется первым.

Она рассматривала кухню, обращая внимание на мелочи, которые не замечала прежде, когда комнату заполняли громкие голоса Мэг, Билла и Молли, отвлекавшие ее от окружающей обстановки. Она была встроена в углу большой гостиной и представляла собой белый сверкающий гарнитур с начищенными до блеска стальными ручками. Мебель сверкала чистотой: никаких отпечатков пальцев или грязи. На стене в белой рамке висел аккуратный коллаж из семейных фотографий, на безупречно чистом подоконнике стояла стеклянная ваза с желтыми герберами; ножи, вилки и ложки, словно солдаты, идеально лежали в ящике для столовых приборов. Кроме того, там было ровно восемь белых тарелок, восемь чашек, восемь блюдец, восемь подставок для яиц, солонка и перечница. Даже работая, Мэг содержала дом в идеальном состоянии: взбитые подушки, убранные игрушки, пульты дистанционного управления аккуратно сложены в ряд на свободном журнальном столике, чистая обувь в ряд выстроена в коридоре, белье развешано на пластиковой сушилке в коридоре, пальто висели в порядке уменьшения размеров на крючках. Нигде ни пылинки, даже на рейке на стене, предназначенной для картин, и на лампочках тоже.

Идеальный дом, словно на экспозиции.

Лорелея возненавидела бы все это.

Бет вздохнула и осторожно, почти с благоговением, поставила чашку из-под чая в сверкающую, словно в демонстрационном салоне, посудомоечную машину. Потом она на цыпочках приблизилась к маленькой комнатке Молли и осторожно заглянула. Здесь также царил безукоризненный порядок, как и во всей квартире Мэг. Единственное, что нарушало порядок в комнате Молли, была сама Молли, зарывшаяся в свое маленькое одеяльце, которое она подоткнула под себя, и теперь оно больше напоминало комки ткани. Ее рыжеватые волосы спутались, пухлая ручка свисала между прутьями низкой кровати, а полненькие

пальчики упирались в чистый ковер кремового цвета. Бет на мгновение была потрясена любовью к своей племяннице и той настойчивостью, с которой она подрывала строго упорядоченный мир Мэг. «Хорошая девочка, – подумала Бет, – хорошая».

Не то чтобы Бет обвиняла Мэг за ее пристрастие к порядку. Да и как могло быть иначе, учитывая то, что сестра всегда протестовала против бардака, царившего в доме их матери? Но немного уступчивости и гибкости ей явно бы не помешало. Иногда она читала подобные мысли во взгляде Билла, что было заметно по едва уловимому подергиванию его бровей, по его полуулыбке и быстрым гримасам. Билл явно не подписывался под этими правилами. Он не подписывался под тем, что не имеет права сбросить спортивные штаны с дивана или рассеянно выронить пульт дистанционного управления из руки, когда случайно задремлет на диване. Он не подписывался под тем, как правильно и неправильно вешать кухонное полотенце или открывать пачку апельсинового сока. Он не подписывался под тем, чтобы смотреть, как агрессивные крошечные ручные пылесосы будут постоянно всасывать крошки, которые он даже не успевал заметить, газеты будут сложены и немедленно утилизированы прежде, чем он успеет их прочитать, а пачка с недоеденным печеньем будет выброшена только потому, что куплена новая. Ни под чем из вышеперечисленного он не подписывался. Но он держался молодцом, ему, конечно, не нравились строгие правила, установленные Мэг, но он с этим мирился. Потому что Мэг есть Мэг и он любил ее.

Бет на цыпочках вышла из комнаты Молли, а потом заглянула в крохотную каморку, которая когда-то была кабинетом, а теперь здесь располагался стеллаж, заполненный аккуратно разложенной детской «амуницией»: стопки крошечных подгузников, уже вынутых из пачки, кипенно-белые пеленки, прокладки для бюстгалтера, ползунки, мягкие игрушки, баночки с кремом и пушистые полотенца. Мэг и Билл не знали, кто у них родится, странно, что они пустили это на самотек, главным образом это произошло из-за Билла, который явно был не прочь получить еще пару сюрпризов в жизни.

Все думали, что родится мальчик. Просто потому, что все так считали. Но Бет полагала, что родится девочка, поскольку замечала сильную сыпь на коже Мэг.

Часы показывали примерно 18.37. Бет решила быстренько принять душ. Единственная душевая кабинка находилась в комнате Билла и Мэг, поэтому Бет не пользовалась ею прежде. Она взяла аккуратно сложенное мягкое синее полотенце, которое было оставлено специально для нее в изножье ее кровати в крохотной каморке. Она еще раз заглянула к Молли, а потом прошла через спальню Билла и Мэг – кровати заправлены, тапочки стоят парами, подушки уложены параллельно друг другу – и проскользнула в душ. Она быстро намылила тело – Бет торопилась из-за того, чтобы Молли, проснувшись, была не одна, а еще и потому, что чувствовала, что не должна находиться здесь, в их маленьком святилище, где Билл и Мэг хранили свою одежду, где чистили перед сном зубы, разговаривали с глазу на глаз и строили планы на будущее. Бет не стала пользоваться их принадлежностями, боясь что-нибудь испортить. После душа она сбрызнула кабинку специально оставленным для этой цели пульверизатором, протерла прозрачные стены кабинки скребком для мытья окон, а потом завернулась в синее полотенце и бросилась в свою каморку, где оделась и слегка подкрасилась.

Было уже почти 19.00. Ей было интересно, находятся ли Мэг и Билл по-прежнему в роддоме и чем вообще они сегодня занимаются. Еще Бет волновало, принесет ли этот день желаемый результат, равно как и последующие несколько дней. Но сейчас нужно было переложить ребенка в кроватку-корзинку. Мэг сказала, что Бет может остаться у нее

столько, сколько потребуется. По сути дела, Мэг сказала так: «Останься, пожалуйста, ты мне нужна!»

Но приближалась Пасха, и Бет все чаще думала о маме. К тому же квартирка Мэган была очень тесной, плюс ко всему Бет знала, что у нее случится стресс из-за постоянного пребывания в квартире вместе с новорожденным, но больше всего ее волновало то, что происходило между ней и Биллом. Если ребенка привезут домой завтра, она могла бы остаться еще на сутки и успеть домой прямо к пасхальному обеду. Но Бет знала наверняка, что ее сестра сейчас нуждается в ней больше, чем мать. Она понимала, что пасхальный обед не такая уж важная вещь, это было в порядке вещей, в отличие от того, чтобы провести время с племянницей и новорожденным младенцем. Но очевидно, в эмоциональном плане мать нуждалась в ней больше, и Бет просто не могла это игнорировать, и именно это обстоятельство больше всего и тяготило ее.

– Мама? – послышался тоненький голосок прямо за дверью ее комнаты. – Мама?

– Привет, милая. – Бет быстро встала и подошла к Молли.

– Где мама?

Девочка была растрепанной и походила на неандертальца. Ее волосы напоминали одуванчик, некоторые пряди спутались, а щеки после сна покраснелись.

– Как ты выбралась из кровати, солнышко?

– Мама?

– Мама уехала в больницу за малышом. Вместе с папой.

– У мамы есть малыш? – задумчиво спросила она.

– Да. В больнице.

– Бет сделает мне тост?

– Да! – Бет с облегчением вздохнула, потому что эта новость не была встречена слезами и недовольством. – Бет сделает тебе тост. Идем, милая!

Она взяла племянницу за крошечную ручку и отвела на кухню, где усадила в детский стульчик. Молли была очень похожа на Мэг, так же, как были похожи между собой папа и тетя Лорна. У нее было типичное личико Бердов. Бет все еще удивлялась, что этот ребенок существует на свете. На какое-то мгновение ей вдруг показалось, что они с Мэган еще дети. И на самом деле во многих отношениях Бет по-прежнему была ребенком. Она продолжала жить в отчем доме, спала на односпальной кровати, пользовалась тем же полотенцем для лица и видела свое отражение в том же зеркале в той же ванной комнате. Она по-прежнему завтракала с родителями, водила отцовскую машину, ела пищу, купленную и приготовленную родителями. И по своему умственному развитию и взглядам она оставалась семнадцатилетней девочкой. Но существовало одно «но». Ей было двадцать четыре, а в июле должно было исполниться двадцать пять.

Она не имела понятия, почему до сих пор живет дома. У нее был парень, с которым они вместе около четырех лет. Его звали Саймон, и он получал степень магистра в области естественных наук в Йорке. Они виделись почти каждые две недели, но даже в эти моменты он постоянно отвлекался, нервничал и размышлял исключительно о собственном будущем. Бет по-прежнему не знала, чего хочет. Просто не имела ни малейшего понятия. Чуть меньше шести лет назад она окончила курсы секретарей. Она могла за полторы минуты напечатать письмо, знала стенографию и текстовый редактор, чтобы печатать адреса на конвертах. Она работала в местной строительной компании помощником управляющего. Ее начальник говорил, что она лучший секретарь из всех, какие у него были, и уже три раза повышал ей

зарплату. Она великолепно выглядела (ей постоянно говорили об этом даже незнакомые люди), была молода, трудолюбива, весела и добросовестна, но все же...

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Barbour» – английская компания, занимающаяся производством одежды и обуви с середины XX века; один из самых популярных и любимых брендов в Англии. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Ник в соцсети, можно перевести с английского как «прекрасная радуга».

Котсуолд – исторические территории в западной Англии, охватывающие несколько графств (в основном Глостершир и Оксфордшир), где находятся «самые» английские деревни и до сих пор сохранились старинные традиции и традиционная архитектура XVII–XVIII вв.

Bird (*англ.*) – птица.

Добровольная организация, занимающаяся присмотром за домом или имуществом соседей для предотвращения преступлений.

Традиционный английский крющон.

Детский телесериал.

Город на северо-востоке Англии.

«Poundstretcher» – сеть дешевых магазинов в Англии.

Район в северной части Манхэттена, считающийся родиной гангстеров и оплотом криминальных группировок.

Стиль рок-музыки начала 1990-х.

Район на юго-западе Лондона.

Сок из черной смородины.